9(47)
Л-65

Д. ЛИХАЧЁВ

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1945

Проверено

Включено
В каталог

147699

9(47)
Л-65

Д. С. ЛИХАЧЁВ

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ

ОЧЕРК
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НОВГОРОДА
XI—XVII вв.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБ-КА
Партийных Курсов
Ленинградского Обкома и Горкома ВКП(б)
Инв. № 147699
ДВОРЕЦ УРИЦКОГО

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ · ЛЕНИНГРАД · 1945

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Новгород и русская культура 3
Глава I. Княжеский Новгород 6
Глава II. Установление политического строя Новгорода 19
Глава III. Новгород в годы борьбы с немцами и шведами 32
Глава IV. Эпоха расцвета новгородского искусства (Предренессанс в Новгороде) 47
Глава V. Идеологическая борьба новгородского боярства с Москвой 61
Глава VI. Сторонники воссоединения с Москвой в Новгороде . . . 70
Глава VII. Воссоединение Новгорода с Русским государством . . . 75
Глава VIII. Гуманистическое движение в Новгороде 83
Глава IX. Новгород в составе Русского государства 90
Глава X. Грозный в Новгороде 97
Глава XI. Борьба новгородцев с польско-шведской интервенцией . 99
Указатель литературы 103

ВВЕДЕНИЕ

НОВГОРОД И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Более чем тысячелетний период развития соединяет Новгород с историей России, с историей всей русской культуры.

С Новгородом связана история русской государственности. В первые века истории России Новгород — главная опора сильной княжеской власти на Руси, хотя уже с середины XI в. новгородцы и борются с князьями за свою самостоятельность. Из Новгорода повёлся род князей Рюриковичей, вытеснивший все остальные русские княжеские семьи по многочисленным княжествам Руси. Отсюда, из Новгорода, черпали киевские князья и материальные средства и военные силы для борьбы на юге.

Счастливое положение Новгорода на перекрёстке великих водных путей, соединявших европейский Север с бассейнами Чёрного и Средиземного морей, Западную Европу и Восток, было причиной раннего культурного развития Новгорода. Мощный дух молодого русского народа творчески перерабатывал культурные влияния, шедшие с различных сторон. В Новгороде, может быть, раньше, чем на юге, созрели многие самобытные проявления русской культуры: новгородское летописание, начавшееся ещё в 1017 г., — старейшее на Руси; в Новгороде же издавна определились черты русского литературного языка вне его зависимости от церковно-славянского; древнейший памятник русского юридического быта — «Русская Правда» — возник в Новгороде; здесь же ещё очень рано обозначились самобытные черты русского искусства.

Развитие Новгорода опережало развитие многих городов Западной Европы. Раньше многих европейских городов-коммун Новгород добивается независимости и становится богатейшей республикой, владевшей колоссальными земельными пространствами от Финского залива до Урала и Средней Волги. Быстро развивается и внешнее благоустройство города. Раньше, чем в Западной Европе, здесь появляются и мостовые и канализация.

Исключительно значение Новгорода для всей русской земли в тяжкие годы «томления и муки» татаро-монгольского ига. Орды Батыя не дошли до Новгорода, счастливо избегнувшего общего для всех русских городов разгрома. Поэтому Новгород сохранил рукописные богатства Киевской Руси, сохранил книжную образованность и впоследствии в течение веков снабжал Москву древними рукописями, летописями и предметами искусства. В наиболее тяжёлые для Руси годы татарского ига в Новгороде не прекращало развиваться каменное зодчество, хранились высокие строительные навыки домонгольской Руси. Здесь переписывались рукописи, работали замечательные новгородские иконники и мастера фресковой живописи.

В самое критическое для русского народа время новгородский князь Александр Ярославич Невский оборонял Русь от шведов и псов-рыцарей. Новгородцы настойчиво, упорно, мужественно вели непрестанные оборонительные войны на своих границах, твёрдо держа щит над всем северо-западом Руси. За время с 1142 по 1446 г. Новгород 26 раз воевал со Швецией, 11 раз — с Ливонским орденом, 14 раз — с Литвой и 5 раз — с Норвегией.

Эпоха Предвозрождения, охватившая своими могучими токами всю Европу от Кавказа до Пиренеев, оставила изумительные образцы высокого мастерства новгородских художников. По мастерству исполнения, по изумительному обилию и сохранности образцов новгородские фрески второй половины XIV в. не имели себе равных в Европе. Живопись эпохи Предвозрождения была представлена в Новгороде лучше и полнее, чем в самой Византии или в Италии. Книжность Новгорода этой поры отражает общий интерес новгородцев к искусству — ту атмосферу искусства, которой жил Новгород. Всемирную известность получили новгородские иконы второй половины XIV—XV вв.

В годы воссоединения Новгорода с Москвой Новгород передаёт свои культурные богатства русскому государству. Новгородские книжники, живописцы, зодчие, ремесленники принимают участие в общем подъёме единой русской культуры.

Велика роль Новгорода в борьбе с интервенцией начала XVII в.

Во второй половине XVIII в., когда темы русской истории становятся знаменем борьбы за русскую культуру и в литературе и в искусстве, Новгород первым привлекает внимание русских писателей, поэтов и художников. О Нов-

городе пишут Я. Б. Княжнин, М. М. Херасков, А. Н. Радищев. В поэзии декабристов Новгород приобретает значение символа русской народной воли, символа русской самобытности и древней Руси. Темы новгородской истории поднимались в поэзии К. Ф. Рылеева и В. Ф. Раевского. Н. М. Карамзин, М. Н. Муравьёв, В. А. Жуковский, В. Т. Нарежный, В. Ф. Одоевский, Лермонтов, Пушкин и многие другие избрали темой своих произведений Новгород Великий. Белинский смотрел на Новгород как «на источник русской народности, откуда вышел весь быт русской жизни». Наряду с Киевом Новгород — центральное место действия русских былин. Народное творчество хорошо помнит богатый Новгород, правильно воспроизводя в былинах и историческую топографию города, и бытовые особенности, и отдельные исторические факты (напр., построение купцом Сотко в 1167 г. церкви Бориса и Глеба, остатки которой раскрыты раскопками 1940 г.).

Время щадило памятники новгородской старины. Промышленное и торговое развитие России в XVIII и XIX вв. мало затронуло Новгород, и это способствовало сохранению многих памятников новгородской древности. Позднейшие застройки не задавили в нём остатков старины и не исказили внешнего облика города. Каждая пядь Новгородской земли вызывает воспоминания о прошлом России. В музеях Новгорода были собраны произведения древнерусского искусства за целое тысячелетие. О Новгороде можно было бы сказать словами Чаадаева о Риме: «Это событие древности, длящееся до сих пор, событие другого времени, остановившееся среди веков». Изумительная сохранность новгородских древностей имела исключительное значение в изучении истории русской архитектуры, живописи, быта, книжности и т. д. Археологические исследования в Новгороде не только пролили свет на многие неясные стороны процесса развития русской культуры, но воспитали немало видных русских археологов, историков и искусствоведов.

Но время щадило новгородскую старину только до 1941 года. За два с половиной года хозяйничанья немцев в Новгороде памятники новгородской древности пострадали гораздо больше, чем за всё предшествующее тысячелетие его существования.

Всемирно известная своими изумительными фресками конца XII в. церковь Спаса Нередицы (1198 г.) лежит в развалинах. Сохранилась лишь часть стен с остатками фресок. В Софийском соборе (1045 г.) разбит централь-

ный купол со знаменитой фреской Пантократора XII в.; разбит купол и барабан северо-западной главы; во многих местах пробиты стены и своды. Церковь Благовещения в Аркажах (1179 г.) фашистские захватчики превратили в дот. Её фрески частью сбиты при устройстве амбразур и перекрытий, частью густо закопчены. Полностью разрушен собор Кирилловского монастыря (1196 г.). Лучшая из церквей XIV в. — Спас Преображения на Ильине (1374 г.), расписанная фресками Феофана Грека, дала широкие трещины и пробита во многих местах. Её западный свод разрушен, а в барабане пробиты амбразуры наблюдательного поста. До основания разрушены знаменитая церковь Успения в Волотове (1352 г.) с её исключительными по мастерству исполнения фресками, церковь в Ковалёве (1345 г.) с её фресками, Михайло-Сковородский монастырь (1355 г.), в котором в 1937 г. были раскрыты фрески второй половины XIV в.

Фашистскими снарядами разбиты древние башни новгородского Детинца — Кокуй, Спасская, Владимирская и др. В кремлёвских зданиях XV—XVII вв. фашисты устроили казармы и конюшни. Замечательный своими наличниками дом XVII в. у Софийской звонницы разбит. Сама звонница дала широкие трещины.

Немецкими варварами уничтожены и разграблены научные и музейные ценности, вывезены древние иконы, паникадила и т. д.

Восстановление Новгорода — старейшего русского города-музея — началось. Сохранившиеся древние здания будут бережно реставрированы, фрески закреплены, музейные ценности восполнены, древняя историческая планировка города оставлена неизменной. Древнейший очаг русской культуры будет вновь привлекать историков, археологов, искусствоведов, художников и всех, кому дорого великое прошлое русского народа.

ГЛАВА I

КНЯЖЕСКИЙ НОВГОРОД

Летописец Нестор, приступая к изложению русской истории — «откуда есть пошла Русская земля», — предпослал ей описание географического расположения Руси и путей, связывающих её с зарубежными странами. Он описывает водный путь «из варяг в греки», соединявший Чёрное и Балтийское моря, путь по Волге в Каспийское море,

путь по Двине в Балтийское море и путь из Балтийского моря в Средиземное и Чёрное моря, огибая Европу.

В центре этих водных путей, связывавших Русь с другими странами, стоял Новгород. Волхов, Ладога (озеро Нево) и Нева соединяли Новгород с бассейном Балтики, т. е. с севером Европы. По Ловати, затем волоком до Днепра и по Днепру вниз можно было доехать до Чёрного моря, а там — в Херсонес (Корсунь), Тмутаракань, Трапезунд, Болгарию, Константинополь. Мста и Тверца связывали Новгород с Волгой, следовательно, с Каспием, арабским Востоком; Шелонь — с Псковом; Свирь и водные пути Онежского озера — со всем северо-востоком.

Великий путь «из варяг в греки» издавна был густо покрыт городами. Здесь шла оживлённая торговля в IX, X и XI вв. Не случайно скандинавы называли древнюю Русь «Гардарикией» — страной городов.

Когда возник Новгород — неизвестно, но уже в первых упоминаниях летописи он выступает как самый значительный после Киева русский город, соперничающий с Киевом и рано сбрасывающий зависимость от него.

О росте силы и богатства Новгорода можно судить по тому, как необычайно быстро расширяются его владения. В IX—X вв. весь путь по Волхову принадлежит Новгороду. Устье Волхова запирают сильная новгородская крепость и крупный город — Ладога. Новгороду принадлежат берега Невы и Финского залива. В XI и XII вв. Новгород владеет уже всеми берегами Ладоги, землями по Свири, Онежскому озеру. Дальше на север новгородцы распространяют свою власть до Урала. Уже в первой половине XII в. они владеют Терским берегом Белого моря и Заволочьем, а в конце XII в. Печора и Югра платят дань Новгороду.

Новгород настойчиво и отважно борется со Швецией за берега Финского залива; упорно охраняет устье Невы. Новгородцы ведут войны с финским племенем емью в южной части Финляндии. На стороне новгородцев борются карелы. К западу от Чудского озера новгородцы строят в 1030 г. город Юрьев (Дерпт). На юге Новгороду принадлежат Старая Русса, Великие Луки, Торжок.

Чем шире становились владения Новгорода, тем больше приливало богатств на низкие берега полноводного Волхова. Морские суда Балтики причаливали здесь непосредственно у новгородского Торга. Из Константинополя, с Крайнего Севера, с Волги приходили лёгкие однодеревки. Среди иноземных «гостей»-купцов можно было встретить

в Новгороде варягов, греков, волжских болгар, англо-саксов, арабов, датчан, жителей городов Германии.

Новгород раскинулся по обеим сторонам Волхова вблизи озера Ильмень. На правой стороне Волхова традиционно располагался Торг. Здесь стояли дворы иноземных купцов, здесь жило многочисленное ремесленное население. Один из концов Торговой стороны назывался Плотницким и был, очевидно, в какой-то мере связан с цеховыми организациями новгородских плотников, искусство которых особенно славилось в древней Руси. Другой конец Торговой стороны назывался Славенским, по имени древнейшего русского племени — словен, — населявшего новгородскую землю. На Славне располагались торговые дворы, здесь жили купцы, здесь же при жизни своего отца обосновался Ярослав Мудрый, память о котором до сих пор сохраняется в названии Ярославова Дворища. Здесь, около Двора Ярослава, собиралось новгородское вече, стояли дворы княжеских дружинников—огнищан. Отсюда, от Торга и княжеской резиденции, вёл через Волхов на Софийскую сторону Великий мост. Он упирался в Детинец — новгородскую крепость, сперва деревянную, а с 1044 г. — каменную. В Детинце высился храм Софии — Премудрости божией, сперва деревянный «о тринадцати верхах», а затем в 1045 г. отстроенный несколько в стороне от прежнего — в камне. Главная улица Детинца — Пискупля — пересекала его с юга на север. Здесь жизнь била ключом, здесь были лавки, мастерские ремесленников, здесь совершались сделки на огромные по тем временам суммы. В Детинце находился двор епископа, позднее — с середины XII в. — населённый многочисленной дворней: чашниками, ключниками, медоварами, владычними молодцами, иконописцами и т. д.

К Детинцу примыкали Гончарный, или Людин, конец, Загородской и Неревский. Концы Новгорода имели местное самоуправление и подчиняли себе отдельные новгородские области.

Каждый из пяти концов Новгорода имел в своём подчинении пятину, на которые делилась вся великая Новгородская земля. Эти пятины, за исключением одной, начинались тут же, у самого Новгорода, и, расширяясь клинообразно, охватывали огромные пространства. На северо-запад между Волховом и Лугой простиралась Вотьская пятина. На северо-восток справа от Волхова к Белому морю лежала Обонежская пятина, охватывавшая оба берега Онеги. К юго-востоку между Мстою и Ловатью шла

пятина Деревская. К юго-западу по обе стороны Шелони находилась Шелоньская пятина. Несколько в стороне от Новгорода за пятинами Обонежской и Деревской лежала далеко на восток Бежецкая пятина с административным центром в Бежичах.

В XII в. Новгород был окружён земляным валом, поверх которого шла деревянная стена. Впереди вала находился ров. На значительном расстоянии от Новгорода, опоясывая его, шло кольцо монастырей-форпостов. Укрепления двух самых значительных из них — Антониева и Юрьева — с пристроенными к их соборам сторожевыми башнями-вяжами запирали с двух сторон подступы к Новгороду по Волхову.

Городское благоустройство Новгорода оставляло позади себя многие города Западной Европы. Уже в XI в. в Новгороде мостили улицы. На горожанах Новгорода лежали изделные повинности по ремонту Волховского моста и по мощению всего Новгорода — по «уставу Ярослава о мостех». Между тем, главная улица Парижа была впервые замощена в 1184 г. В Западной Европе первые мостовые появляются лишь в конце XII в. Мостовые Новгорода были деревянными и хорошо сохранились до нашего времени под толстым пластом наросшего над ними «жилого слоя». Улицы Новгорода были узки, но извилистая форма, типичная для средневекового города, не была преобладающей в Новгороде. Вдоль улиц были проложены желоба и трубы для сточных вод. Ярославово Дворище имело первый в Северной Европе водопровод, по которому в деревянных трубах бежала чистая ключевая вода.

Общественные здания были немногочисленны в Новгороде. Главными общественными зданиями служили церкви. В центральном храме города — Софии — принимались послы. На площади у Софии собиралось софийское вече.

Основную массу населения Новгорода составляли ремесленники: ремёсла были особенно развиты в древней Руси. Русские мастера владели наиболее совершенными приёмами современной им техники. В Западной Европе высоко ценили изделия русских ремесленников. Учёный монах Теофил (конец IX в.), перечисляя знаменитые своими ремёслами страны, ставил Русь на второе место, после самой культурной страны тогдашней Европы — Византии. Он ставил Русь впереди Англии, Италии и Франции, а на последнем месте помещал Германию.

Особенного развития достигло в Новгороде плотничество. Плотники имели различные специальности: некото-

рые из них, «огородники», строили городские укрепления — «горотьбы», другие рубили дома, третьи настилали мостовые и т. д. Гончары изготовляли простую и поливную (глазированную) посуду, кирпичи, черепицу, детские игрушки. «Учанники» строили учаны — рыболовные суда. Бочечники, ведёрники, ковшевики, решёточники, жерновники, скорняки, лучники, седельники, рожечники, коробейники, дегтяри, портные мастера, епанечники, сапожники, коневые лекаря, кровопуски, щитники, шильники, котельники, медники, серебряники, мясники, рыбники, калачники, корчмиты и др. призваны были обслуживать многообразные потребности городского населения.

Ремесленники, повидимому, были объединены в цеховые организации, подобные тем, которые существовали и на Западе. Ремесленники одной специальности жили чаще всего рядом, совместно устраивали пиры — «братчины», совместно выступали на вече и участвовали в городских восстаниях.

В сходные организации были объединены и купцы. Известны артели «поморских купцов», «низовских купцов». Община купцов-вощанников, собиравшаяся при церкви Ивана на Опоках, имела особое торговое управление, состоявшее из трёх старост от житьих людей, двух старост от купцов и тысяцкого от чёрных людей. В церкви Ивана находились образцовые орудия меры: вощаные скалвы (весы с двумя чашками), медовые пуды (безмены), гривенка рублёвая для взвешивания благородных металлов и Ивановский локоть для измерения длины. Здесь сосредоточивался торговый суд — суд тысяцкого, публичный и гласный. Новгородские купцы, находившиеся вне Новгорода, также объединялись в особые колонии: особый новгородский двор был в центре балтийской торговли на острове Готланде в г. Висби; в Киеве новгородские купцы объединялись вокруг божницы святого Михаила и т. д.

Боярство, владевшее колоссальными пространствами земли, также стремилось жить объединениями и занимало иногда целые улицы.

Новгородское вече сходилось на Торгу — у Ярославова Дворища — или на Софийской стороне на площади перед Софией. Расцвет вечевой деятельности начался в Новгороде значительно раньше, чем в других русских городах, где он падает на вторую половину XI в. Первое сообщение летописи о новгородском вече относится к 1016 г. С этого времени деятельность веча не прекращалась в Новгороде до 1478 г. — года воссоединения Новгорода и

Москвы. Созывал вече посадник, тысяцкий, иногда князь. Сроков созыва не было: по звуку вечевого колокола сходились все, кто считал себя новгородцем. Иногда являлись на вече окрестные жители или представители других городов: Пскова, Ладоги. Вопросы, подлежавшие обсуждению вечем, предлагались посадником, тысяцким или князем. Вече постановляло, избирало, решало споры криком, а иногда и дракой. Драки эти порою принимали характер ожесточённых междоусобий, во время которых весь город «раздирался» настоящими битвами.

Роль Новгорода в истории русской государственности и в укреплении княжеской власти в первые века её существования исключительна по своей важности. Сильная княжеская власть утверждается здесь весьма рано. И летопись и местные предания, связанные с Рюриковым Городищем в Новгороде, помнят о новгородском князе Рюрике, род которого постепенно вытеснил все другие княжеские семьи в городах Руси. Новгородский князь Вещий Олег, собрав войско из новгородских славян, варягов, чуди, мери, веси и кривичей, захватил Киев и превратил его в центр русского государства — «мать городов русских». Отсюда, из Киева, Олег с новгородской и киевской дружинами ходил походом на самый Константинополь, прибив в знак победы свой щит на его воротах. Олег — личность не легендарная, а историческая: его имя и деятельность удостоверены различными документами — русскими и иноземными.

Со времени княжения Олега судьбы Новгорода и Киева тесно связаны. Объединение Киева и Новгорода под общею властью не лишило Новгород его значения опоры княжеской власти. Княгиня Ольга ввела вместо обычного на юге «полюдья» правильный сбор дани («оброки») посредством доставки её («повоза») в определённые для этого места («погосты»), где её принимали княжьи мужи. В Новгороде киевские князья набирают дружину, сюда они обращаются за помощью при неудачах и всегда находят поддержку.

После объединения Новгорода и Киева боевая сила новгородцев отнюдь не ослабевает. Со смертью Святослава — в междоусобиях его сыновей побеждает сын Святослава — новгородский князь Владимир, приглашённый в своё время новгородцами. Княжение Владимира — время высшего подъёма Киевского государства.

Со смертью Владимира вновь одерживает верх новгородский князь — сын Владимира Ярослав. Когда Ярослав, потерпев поражение на юге от изменника Святополка и польского короля Болеслава, явился в Новгород и хотел было бежать за море, новгородцы порубили ладьи Ярослава и заявили ему: «хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомь». Новгородцы собрали «от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен» и на собранные средства организовали дружину. С этой дружиной Ярослав изгнал поляков из Киева.

С завоеванием Киева Ярослав перенёс в него основы новгородской государственной и гражданской организации. Он перенёс в Киев созданную в Новгороде «Русскую Правду». В 1042 г. при Ярославе сын его, новгородский князь Владимир Ярославич, организует последний поход на Константинополь.

Скандинавские саги хорошо знают новгородского князя Ярослава. Сага об Олафе Тригвассоне повествует о том, как Олаф в ссоре убил какого-то новгородского жителя Клеркона, и собравшийся народ требовал смерти убийцы. О сопротивлении новгородского населения насилиям варяжских наёмных дружин говорят и русские источники. Летопись рассказывает о том, как варяжская дружина была перебита на «Поромоне дворе» за насилия, которые чинили наёмники над новгородцами. Наёмные дружины — обычное явление в средневековых городах Европы. Города-государства и в Западной Европе издавна прибегали для своей защиты к услугам наёмных отрядов. Предводители итальянских наёмных отрядов, знаменитые кондотьеры, держали в своих руках судьбы целых городов-государств. Но варяжские наёмники в Новгороде всегда находились в зависимости от воли населения.

Верховная власть киевского князя в Новгороде продолжалась недолго. XII и XIII вв. проходят по всей Европе под знаком борьбы городских общин с феодальными сеньорами. Борьба Новгорода за свою независимость началась очень рано — ещё в начале XI в., а уже в первой половине XII в. Новгород добивается вполне независимого самоуправления.

Основы новгородской независимости были заложены при Ярославе Мудром. За самостоятельность Новгорода стояла местная дружина, опиравшаяся на новгородское население. Вместе с тем и сам Ярослав нуждался в том, чтобы сделать Новгород сильным, способным самостоя-

тельно, без помощи Киева, осуществлять свои задачи на Севере Руси: защиту западных границ от нападения соседей и экономическое освоение принадлежащей ему огромной территории.

Во время своих частых пребываний в Новгороде Ярослав именно на этом сосредоточил свои усилия. Он ходил походом на запад от Чудского озера, поставил город Юрьев (ныне Тарту). Он усмирил восстание волхвов на Волге. В 1042 г. сын Ярослава Владимир покорил емь (финнов).

Ещё при жизни своего отца Владимира Ярослав, княжа в Новгороде, отказался платить дань Киеву. Готовилось столкновение между Ярославом и Владимиром, предотвращённое смертью Владимира. В 1017 г. за помощь новгородцев в освобождении Киева от изменника Святослава и поляков Ярослав даровал Новгороду особые грамоты — своеобразные «хартии новгородской вольности»,— главное юридическое основание всей последующей новгородской независимости. Впоследствии, в течение нескольких столетий, каждый раз, приглашая к себе князей, новгородцы заставляли их приносить присягу «на всех Ярославлих грамотах» и вписали их содержание в начало своих летописей. Впоследствии, когда Новгород был воссоединён с Москвой, москвичи уничтожили Ярославовы грамоты, выдрали изложение их из новгородских летописей, и содержание их осталось неизвестным.

Зависимость от Киева при Ярославе не была, однако, окончательно прервана. Она усилилась в начале XII в. при Владимире Мономахе, восстановившем поколебавшееся положение Киева. В Новгороде княжил старший сын Владимира Мономаха и его первой жены Гиты Гаральдовны, дочери последнего англо-саксонского короля Гаральда, Мстислав Владимирович. Это был умный, энергичный и образованнейший князь, оставивший заметные следы в культурной жизни Новгорода.

В 1118 г. Мстислав уехал на юг, оставив княжить в Новгороде своего сына Всеволода. При Всеволоде вновь усилилось сепаратистское движение в Новгороде, приведшее в конце концов к образованию Новгородской вечевой республики.

Произведения новгородского деревянного зодчества, по-видимому, имевшие наиболее национальные формы, известны нам только по упоминаниям в летописи. В 989 г.

первый новгородский епископ Иоаким Корсунянин, присланный в Новгород Владимиром Святославичем для обращения в христианство местного населения, поставил в конце Пискупли дубовый храм Софии — Премудрости божией. По упоминанию в летописи, что храм этот был «о 13 верхах», можно предполагать, что он имел типичные для русских построек пышные, возможно, многоцветные кровли.

В 1045 г. невдалеке от деревянной Софии, уничтоженной затем в 1049 г. пожаром, новгородский князь Владимир Ярославич заложил каменную церковь Софии, ставшую впоследствии главной святыней Новгорода, символом новгородской независимости, средоточием его государственной жизни, хранительницей его богатейшей казны.

Уже в этом первом каменном храме Новгорода воплотились те художественные принципы, которые стали определяющими во всём последующем зодчестве Новгорода, всегда стремившемся к простоте, ясности форм. В противоположность утончённой роскоши соборов Киева или церкви Спаса в Чернигове — София Новгородская воздействует на зрителя главным образом чёткостью своих архитектурных пропорций, монументальностью и монолитностью всего здания.

Это — суровый в своём величии храм, поражающий лаконизмом форм и прочно найденными соотношениями частей. Мощные глади стен почти лишены украшений. Белизна стен (они были белыми уже в XII в.) идеально гармонирует с золотом центральной главы (золотой она была уже в 1408 г.).

Собор представляет собою прямоугольное здание с тремя алтарными выступами («апсидами») с востока. Впоследствии София неоднократно расширялась, и число апсид в ней увеличилось. Своды и арки храма опираются внутри на массивные столбы. Снаружи места опоры внутренних арок отмечены массивными «лопатками» (пилястрами), подчёркивающими исключительные по красоте пропорции внутренних членений. Кровля Софии покрыта прямо по сводам; она изгибается в виде арок или образует треугольные фронтоны.

Ещё раньше построения Софии Владимир Ярославич поставил каменные стены Детинца (1044 г.) взамен существовавших до того деревянных. Каков был этот первоначальный каменный Детинец — неизвестно, так как современный новгородский Кремль относится к значительно более позднему времени. Строительство Владимира Яро-

славича имело в виду создать сильный архитектурный центр Новгорода. И действительно, построенные при нём Детинец и София стали навсегда центром города, его самой монументальной и характерной частью.

С новым расцветом княжеской власти в Новгороде в начале XII в. — при сыне Владимира Мономаха Мстиславе и его внуке Всеволоде наступает и новый расцвет новгородской архитектуры. Зодчие начала XII в. стремятся уравновесить в городской застройке грандиозные, доминировавшие над городом массы Софии. В 1113 г. на противоположном от Софии берегу, на Ярославовом Дворище, Мстислав ставит высокий пятиглавый[1] Николо-Дворищенский собор. Ещё через три года (1116 г.) Мстислав строит собор Антониева монастыря на север от городского вала по течению Волхова, а спустя вновь три года (в 1119 г.) воздвигается Георгиевский собор Юрьева монастыря — на юг от Новгорода, вверх по течению Волхова ближе к Ильменю. В возведении этих трёх соборов виден единый, грандиозный строительный замысел, сказывающийся и в общности их архитектурных форм и в строгой последовательности их строительства. Все три собора поставлены на берегу Волхова. Вместе с Софией они образуют вытянутый вдоль течения Волхова ромб: диагональю от Софии к Николо-Дворищенскому собору служил перекинутый через Волхов Великий мост; другой диагональю, соединявшей Антониевский и Георгиевский соборы, служил Волхов.

Георгиевский собор Юрьева монастыря был виден далеко с Ильменя. Его купола служили ориентирами для судов, подплывавших к Новгороду с юга. Собор Антониева монастыря был поставлен на изгибе Волхова и был издали виден судам, подплывавшим к Новгороду с севера. Таким образом, уже в начале XII в. Новгород получил основные архитектурные центры своей планировки. Этот архитектурный план новгородцы бережно сохраняли и все последующие постройки сообразовали с ним. Как видно из примера Великого Новгорода, древнерусские города строились вовсе не стихийно, как «бог на душу положит», а сообразно широким планам строителей, умевших архитектурно согласовывать между собою строения, раскинутые на огромных расстояниях друг от друга.

Все три собора начала XII в. — Николо-Дворищенский, Антониева монастыря и Георгиевский Юрьева монастыря — выстроены в общих им всем единых архитектурных

[1] Впоследствии четыре крайние главы собора были снесены, и собор сейчас одноглавый.

формах. Горизонтальные ряды ниш и окон, которыми ритмично разбиты глади стен Георгиевского и Николо-Дворищенского соборов, подчёркивают конструктивную ясность соотношений и общие удлинённые кверху пропорции зданий. Хорошо сохранившееся асимметричное трёхглавое здание Георгиевской церкви Юрьева монастыря с ритмично вытянутыми в высоту мощными стенами является одним из лучших произведений русской архитектуры XII в., далеко отошедшей в Новгороде от византийских прототипов. Имя мастера, ставившего Георгиевский собор, известно из летописи — Пётр. Ему же, повидимому, принадлежат и два других собора начала XII в. — Николо-Дворищенский и Благовещенский в Антонове. Новгород издавна славился своими зодчими: из Новгорода с его глубокими строительными традициями и мощной народной культурой уже очень рано начинают выписывать мастеров, в частности для строительства в далёком Киеве стен Выдубицкого монастыря (посадник Милонег).

Соборы Новгорода в начале XII в. были покрыты внутри прекрасной фресковой живописью. Фреска — это письмо водяными красками по сырой ещё штукатурке. Высыхая, штукатурка (особым образом подготовленная) входит в прочное соединение с краской и создаёт исключительную по красоте красочную поверхность. Техника фрески восходит ещё к античности (наиболее известны фрески в Помпее). К античности же восходят многие приёмы фресковой живописи и, отчасти, формы. Эта связь с античной живописью в полной мере ощущалась в фресках Новгорода. Новгородцы совершенствовали технику античной фрески, а, с другой стороны, менее связанные, чем мастера Византии, с традициями церковного искусства, свободнее воспроизводили античные формы.

Новгородские фрески начала XII в. отличаются монументальностью, уравновешенностью частей, яркостью и контрастностью красок. Их главная тема — человеческие фигуры, спокойно поставленные, обращённые en face, с глазами, чаще всего прямо устремлёнными на зрителя, с характерным античным румянцем на щеках, с резко подчёркнутыми, по-античному крупными чертами лица. Контурность композиций и обобщённость линий позволяют легко обозревать их с большого расстояния. Мастера умело вписывали изображения в пространство стен, учитывали изгибы арок и расстояние, с которого будут обозреваться росписи.

Фрески 1108 г., находившиеся в куполе Софийского со-

бора, уничтожены немцами. Фрагмент фрески 1144 г., изображавший царя Константина и царицу Елену, счастливо сохранён работниками новгородских музеев под толстой кирпичной кладкой, которой они заслонили фреску перед занятием Новгорода немцами. Изображение Константина и Елены поражает прозрачной лёгкостью красок, изяществом лёгкого движения, которым оживлены их лица.

В высоком подцерковье Николо-Дворищенского собора сохранилась часть росписи, иллюстрировавшей рассказ о страданиях Иова. Жена Иова представлена держащей палку с надетым на конец её котелком, в котором она подаёт пищу Иову. Её изображение поражает античною строгостью форм. Лицо жены Иова с античным румянцем, полуобращённое к зрителю, спокойно. Складки её одежды лежат в соответствии с античными канонами.

Фрагменты фресок имеются в Николо-Дворищенском соборе ещё на горнем месте. В мае 1944 г. раскрыты орнаментальные фрески в оконных проёмах.

Замечательной пластичностью и объёмностью форм отличаются остатки фресок 1125 г. в Благовещенском соборе Антониева монастыря. В 1898 г. эти росписи были открыты при ремонте собора и тогда же испорчены насечками. В 1923, в 1927 и частично в мае 1944 г. удалось раскрыть и реставрировать часть фресок в алтарной части и на столбах. Особенно интересен юноша, копающий землю (из композиции «Обретение главы Иоанна Крестителя»). Его полнокровное, румяное лицо, обрамлённое мягкими длинными волосами, говорит о силе традиций античного искусства в Новгороде.

В башне Георгиевского собора Юрьева монастыря сохранились сильно испорченные сейчас немцами остатки фресковой росписи начала XII в.

Сведений о новгородской письменности XI в. очень немного, но то, что известно, свидетельствует о древности и распространённости книжных знаний в различных слоях новгородского населения. По инициативе посадника Остромира был создан ценнейший и ныне старейший памятник русского языка — знаменитое Остромирово евангелие 1056—1057 гг., поражающее красотой и тщательностью своего исполнения. Ближайшее отношение к книжности имели сын и внук Остромира — Вышата и Ян Вышатич, снабжавшие историческими сведениями нескольких южных летописцев — и в Тмутаракани и в Киеве, и Новгородским

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Ленинградского Совкома и Горкома ВКП(б)
Инв. № 147699
ДВОРЕЦ УРИЦКОГО

епископом Лукой был составлен древнейший из известных памятников учительной литературы домонгольской Руси — «Поучение к братии». Это поучение написано простым, ясным русским языком: церковно-славянизмов в его языке очень мало. Лука учит не мстить, не заниматься «москолудством» (ряжением), не молвить «срамные» слова, ходить в церковь и вести себя в ней смирно. «Чтите стара человека и родителя своя, не кленитися божиим именем, ни иною заклинаете, ни проклинайте. Судите по правде, мзды не емлите (взяток не берите), в лихву не дайте (т. е. не давайте в рост, под проценты), бога ся бойте, князя чтите. . .»

Новгородское летописание, как это установлено А. А. Шахматовым, началось ещё в 1017 г. — на двадцать лет раньше киевского. Именно в 1017 г. в Новгороде была произведена первая историческая запись, задачей которой было сохранение памяти о бурных событиях 1016 г., приведших к установлению тех Ярославовых грамот, которые затем всегда расценивались в Новгороде как законодательно-учредительный акт новгородской независимости. Запись эта рассказывала о том, как новгородцы ночью избили варяжскую дружину Ярослава «в Поромоне дворе» за творимые ими насилия, как в свою очередь Ярослав хитростью избил новгородцев в своём пригородном селе Ракоме, как затем Ярослав, получив известия с юга о гибели его братьев Бориса и Глеба от руки сторонников Святополка, «сотвори вече на поли» (в огороженном месте новгородцы не собрались бы, опасаясь нового избиения) и помирился с новгородцами. Новгородцы обещали помощь Ярославу. С этой помощью Ярослав победил Святополка и занял Киев. Но Святополк скрылся «в ляхи», вернулся с поляками и захватил Киев. Ярослав бежал в Новгород «сам-пят». Его мачеха и сестра попали в плен к польскому королю Болеславу. Ярослав хотел бежать и дальше — за море, но новгородцы не пустили Ярослава и сами в патриотическом подъёме организовали борьбу с Святополком и Болеславом. Разбитый Святополк бежал «в печенеги», а Ярослав роздал новгородцам за помощь крупные деньги и знаменитые грамоты, сказав при этом: «по сей грамоте ходите, якоже списа вам, тако же держите».

Эта пространная запись легла в основу новгородских летописей, неоднократно пересоставлявшихся и продолжавшихся в течение XI в. Новгородские летописи не раз были использованы в течение XI в. в летописании киевском. В частности из новгородской летописи перешло в

киевскую и знаменитое предание о трёх братьях-князьях—Рюрике, Синеусе и Труворе.

В первой четверти XII в., в конце княжения сына Владимира Мономаха—Мстислава, к новгородским летописям была присоединена киевская летопись — «Повесть временных лет». Сам Мстислав, как и его отец Владимир Мономах, был писателем. Он сделал в новгородской летописи ряд записей о чудесных северных странах, рассказы о которых слышал он во время поездки в новгородский город Ладогу. Факт этой княжеской записи в летописи исключительно важен: он свидетельствует о том значении, которое придавалось исторической работе в древней Руси: непосредственно сами князья принимали участие в летописании.

Несмотря на то, что писательство составляло в Новгороде занятие самых разнообразных слоёв новгородского общества — и светских и церковных, — книжность Новгорода отличает единая, общая ей черта: близость письменного языка к разговорному. Это свидетельствует о большом пути культурного развития, пройденном русским языком в Новгороде в предшествующие эпохи. Благодаря этому, несмотря на обилие нахлынувших в Новгород после его «крещения» произведений церковно-славянской письменности, русский литературный язык Новгорода остался чист от церковно-славянизмов и сохранил все свои русские особенности.

ГЛАВА II

УСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ НОВГОРОДА

В XII в. намечается перемещение основных путей европейской торговли. Средиземноморская торговля переходит от Византии в руки французов и итальянцев. Конкурентом Константинополя в торговле с севером Европы становится Венеция. Торговое движение по «Великому пути из варяг в греки», соединявшему бассейны Средиземного и Чёрного морей с Балтикой по Неве, Ладоге, Волхову и Днепру, постепенно затихает. Киев, Чернигов и другие русские города остаются в стороне от основных торговых путей Европы.

Однако перемещение торговых путей Европы благоприятно сказывается на торговле Новгорода с бассейном Волги: через Новгород и владимирско-суздальские города направляются новые пути европейской торговли с Востоком. Новгородцы в изобилии вывозят пушнину из своих

северо-восточных владений, а ввозят из-за границы сукно, железо, соль, хлеб, лошадей, предметы роскоши.

В XII в. новгородских купцов можно было встретить почти во всех торговых городах Балтики. Указания на заморскую торговлю новгородцев можно найти в дошедших до нас договорах с иноземными гостями и в новгородских летописях. В летописи отмечено, например, что в 1130 г. буря в Балтийском море разбила семь новгородских ладей, возвращавшихся из Готланда. Под 1134 г. новгородская летопись отмечает жестокую расправу с новгородцами в Дании: «рубоша новгородць за морем в Дони». Свидетельства об иностранной торговле Новгорода встречаются и у западноевропейских писателей того времени — у Адама Бременского, Саксона Грамматика и др.

В 1156 г. заморские купцы, т. е., очевидно, новгородцы, ведшие заморскую торговлю, ставят на торговище церковь Пятницы (покровительницы торговли) и используют в её архитектуре некоторые смоленские детали (церковь эта сохранилась и поныне). На связи с Западом и на обилие иностранцев в Новгороде указывает наличие в Новгороде иноземных церквей. В житии Антония Римлянина рассказывается, что по прибытии в Новгород он нашёл здесь людей, говоривших на европейских языках. Факт приезда Антония в Новгород из Италии уже сам по себе указывает на мировые торговые связи Новгорода.

Одновременно с развитием торговли идёт в Новгороде развитие ремёсл. Целые улицы были заселены в Новгороде ремесленниками одной специальности. Один из пяти концов Новгорода назывался Плотницким, другой — Гончарным. Ремесленники активно участвуют во второй половине XII—XIII в. в политической жизни Новгорода.

Чрезвычайно усиливается и феодальная эксплоатация новгородским боярством своих владений, постепенно расширяющихся до Балтийского моря на северо-западе, до Ледовитого океана и Белого моря на севере, до Урала на востоке и до впадения Оки в Волгу на юго-востоке.

Могущественный и развивающийся Новгород вступает в борьбу со слабеющим Киевом. На время интересы богатеющих новгородских торговцев и ремесленников объединяются в общем им всем стремлении освободиться из-под политической опеки Киева и проводника этой опеки — ставленника киевского великого князя — новгородского князя.

До середины XII в. князь представлял собой основную силу в государственной и культурной жизни Новгорода.

В первой четверти XII в. старший сын Владимира Мономаха Мстислав, а затем сын Мстислава Всеволод стоят во главе политических предприятий Новгорода, покровительствуют искусствам, книжности, обстраивают Новгород двумя крупнейшими монастырями — Антониевым и Юрьевым, укрепляют Детинец, обстраивают Ярославово Дворище, покровительствуют культурному влиянию киевских книжников и киевского монашества. Однако, повидимому, уже в первой половине XII в. князь теряет свои права на Софию Новгородскую, бывшую перед тем княжеским храмом, и обосновывается на другой стороне Волхова — на Ярославовом Дворище, уступая Детинец вечу.

К середине XII в. относится установление нового социального и политического строя в Новгороде. Новгород становится независимой боярской республикой. Процесс образования нового политического строя сопровождается рядом бурных потрясений в жизни Новгорода, частыми сменами князей, посадников, тысяцких и заканчивается установлением всех тех новых форм правления, которые составляют затем на протяжении ряда веков характерную особенность Новгорода.

Особенно сильные волнения происходят в 1136 г. Собравшееся вече, на котором присутствовали не только новгородцы, но псковичи и ладожане, смещает князя. Его сажают в «епископль двор с женою и с детьми и с тьщею, месяца маия в 28; и стражье стрежаху день и нощь с оружием, 30 мужь на день».

Переворот 1136 г. окончательно ослабил княжескую власть в Новгороде и закрепил господствующее положение в управлении городом боярства и епископа, игравшего крупную роль в восстании 1136 г. С этой поры новые князья не присылаются из Киева, а приглашаются самим вечем в качестве военных специалистов. Они ограничены в своих правах особым договором — «рядом». Князья лишены с этой поры большинства своих доходов, прав и земельных владений; они ограничены в охоте и суде; их выселяют за город — на Рюриково Городище, чтобы они не могли вновь захватить власть в городе военной силой.

Значительно усиливается роль веча. Вече избирает посадников, тысяцких и даже архиепископа. Формально вечу принадлежит верховная власть в городе, однако на самом деле боярству путём подкупов и найма «худых мужиков вечников» удаётся добиваться нужных ему решений. Власть исполнительная в Новгороде принадлежала Совету господ, куда входило крупнейшее новгородское бояр-

ство, отличавшееся своим богатством и колоссальными земельными владениями. Совет господ подготовлял для решений веча и те вопросы, которые должны были утверждаться всеми новгородцами. Благодаря этому Совет господ фактически управлял Новгородом, только в исключительных случаях подпадая под контроль веча, время от времени заявлявшего о своих верховных правах бурными собраниями, иногда заканчивавшимися народными волнениями.

Во главе Совета господ — «начальником новгородских бояр» — после восстания 1136 г. становится новгородский епископ — богатейший землевладелец города, к которому переходят права, доходы и земельные владения князя.

Епископ становится полным хозяином Детинца и Софии — патрональной святыни Новгорода и средоточия новгородской государственной жизни. В руки епископа переходит софийская казна, он ведает внешними сношениями Новгорода, он приобретает право суда, право наблюдения за торговыми мерами и т. д.

Нигде в других городах и княжествах древней Руси церковь не была так тесно связана с государственной жизнью, как в Новгороде. Это значение новгородская церковь приобрела, став на сторону бояр и купцов против новгородского князя и активно вмешавшись в народные волнения середины XII в. Благодаря удачной политической игре епископу Нифонту удаётся занять в Новгороде господствующее положение, а затем выйти из зависимости от киевского митрополита, которому новгородский епископ как глава одной из епархий русской церкви был формально подчинён. Пользуясь церковными смутами, вызванными назначением Климента Смолятича киевским митрополитом помимо воли константинопольского патриарха, Нифонт добивается у последнего признания за собой титула архиепископа и некоторой независимости от киевского митрополита. Отныне назначение новгородских архиепископов производится не по воле киевского митрополита. Новгородцы сами избирают себе архиепископов на вече, собирающемся в церкви Софии, и только затем посылают их в Киев для формального посвящения.

Установлению выборного замещения новгородской епископской кафедры должна была предшествовать большая церковно-юридическая и церковно-историческая работа. Оригинальная и сложная реформа церковного управления Новгородом была тщательно продумана и установлена знатоком церковного законодательства Нифонтом, кото-

рый, очевидно, и завещал провести её в жизнь при первом же случае, т. е. сразу же после своей смерти при выборах нового архиепископа.

Таким образом, новгородская церковь и её глава архиепископ освободились от влияния Киева и начали играть главенствующую роль в политической жизни Новгорода. Вместе с тем сама новгородская церковь подпала под контроль веча. Новгородцы сами низлагают неугодных им архиепископов и выбирают новых. Так, например, в 1211 г. новгородцы прогоняют архиепископа Митрофана; в 1228 г. они низлагают владыку Арсения, обвиняя его в том, что будто бы из-за него стояла дождливая погода; в 1421 г. новгородцы прогоняют владыку Феодосия за то, что он был «шестником», т. е. пришельцем, а не коренным новгородцем, и т. д.

В выборах архиепископов вече не было стеснено иерархическими ограничениями. Избираемый должен был принадлежать к числу духовенства, но был ли он монахом или простым священником, не имело, повидимому, особого значения. Вступление в ряды духовенства и выход из него были открыты для всех желающих, не представляя особых затруднений.

Обмирщение новгородской церкви выразилось также и в том, что вокруг Софии создаётся двор, во всём подобный княжескому. Владыка заводит своих дворецких, казначеев, ключников, чашников, крайчих, медоваров, поездчиков, тиунов, десятников, приставов, зазывальщиков, доводчиков, борцов. Владычние «молодцы» выполняют самостоятельно военные операции. Владыка на собственные средства ставит крепостные стены и «костры» (башни). У него свой «владычний» полк. Он выезжает на соколиную охоту во главе многочисленной свиты. Он покровительствует искусствам; при его дворе ведётся летопись.

Большинство новгородских грамот скрепляется санкцией владыки — его благословением. Сама София становится символом новгородской независимости. Отправляясь в походы, новгородцы обещают честно умереть за Софию и заручаются благословением архиепископа. Именем Софии заключали мир, пользовались как боевым кличем и политическим лозунгом.

Новый политический порядок в Новгороде создаёт и новые формы осуществления общественных предприятий: начиная с середины XII в. и в течение нескольких столетий, в Новгороде все более или менее крупные предприятия осуществляются артелями-«дружинами». Эти артели суще-

ствуют прежде всего при дворе новгородского архиепископа и населяют его «слободы» в окрестностях города и поблизости Детинца. Члены этих артелей носят название «владычних паробков» или «владычних ребят». «Паробки» и «ребята» переписывают священные книги, составляют дружины строителей и иконописцев.

Характерно, что Нередицкую церковь расписывало не менее 10 художников одновременно. Этот способ работ «дружиной» документально засвидетельствован в Новгороде и позднее (после его присоединения к Русскому государству) писцовыми книгами.

Наряду с архиепископом с середины XII в. активной силой в культурной жизни Новгорода выступают корпорации кончан (жителей городского конца), уличан (жителей одной улицы), сотни и братчины, на которые, по выражению Ключевского, «мозаически» распадалось новгородское общество.

Вечевые порядки Новгорода требовали от бояр значительных издержек на всякого рода угощения или пожертвования, имевшие целью привлечение к себе сторонников. Организация новгородского самоуправления по концам, улицам и сотням, соответствовавшим до известной степени одновременным им цехам и гильдиям западноевропейских городов, способствовала поддержанию таких обычаев.

Уличане организовывались вокруг своей уличанской церкви, которую часто и строили совместно. Вокруг уличанской церкви создавалась купеческая община, на неё давал значительные пожертвования боярин, чтобы снискать себе популярность среди прихожан-уличан. Благодаря щедрости боярина уличане часто действовали совместно в его пользу, укрывали у себя его сторонников, запирались от его врагов, выдвигали его на вече. Не менее часто, впрочем, уличане действовали и против боярина, как и всюду, выступая в тесном единстве — всею улицею.

С середины XII в. улицы, концы и сотни начинают играть огромную роль в Новгородском государстве. Кончанские и улицкие старосты скрепляли своими печатями важнейшие государственные грамоты. Улицы и концы обладали коллективною собственностью и, повидимому, если об этом судить по названиям районов города, специализировались по преимуществу в каком-нибудь одном ремесле (гончарном, плотницком, сапожном, кузнечном, монетном, кожевенном и т. д.). Возможно, что концы и

улицы повторяли у себя в менее значительных масштабах организацию новгородского самоуправления и обладали собственными вечами. Во всяком случае должность уличанского попа была такою же выборною, как и должность архиепископа. Даже в XVI в. в постановлениях московского Стоглавого собора с осуждением отмечено, что попов в Новгороде приводили ставиться ко владыке всею улицею.

Епископ, бояре, купечество, улицы и концы — таковы те новые инициаторы культурных предприятий Новгорода, которые пришли в середине XII в. на смену князю. В XI и первой половине XII в. все памятники новгородской письменности принадлежат князю или его родственникам. С середины же XII в. большинство произведений новгородской письменности — епископского, боярского, купеческого или корпоративного происхождения.

Политический переворот середины XII в. не замедлил сказаться и в искусстве Новгорода. Заметно иные, более «демократические» формы приобретает живопись и, в особенности, архитектура. Последней княжеской постройкой в пределах городской черты обычного для XI — начала XII в. монументально-торжественного типа следует считать церковь Ивана на Петрятине дворе (на Опоках) 1127 г. [1], которую Всеволод Мстиславич после потери Софии безуспешно пытался сделать новым политическим центром Новгорода.

Боярско-купеческое строительство второй половины XII в. вырабатывает новый тип четырёхстолпного, квадратного в плане, храма, более упрощённого и уменьшенного в размерах типа, чем грандиозные княжеские соборы предшествующей поры.

В отличие от церквей княжеской постройки с резким разделением молящихся на привилегированных, «избранных», и остальную массу молящихся, новые церкви не разделяют молящихся на категории и, в этом смысле, становятся «демократичнее», обыденнее. Раньше князья строили церкви с великолепными, сильно освещёнными каменными хорами, на которых слушали богослужение только княжеская семья и приближённые, тогда как внизу помещалась вся остальная масса молящихся. Новые же,

---

[1] Церковь Ивана на Опоках сильно разрушена немцами в 1941 г.: внутренность её выгорела, своды рухнули.

возводимые со второй половины XII в., церкви боярско-купеческой постройки имеют скромные деревянные хоры служебного значения, а все молящиеся вместе стоят внизу.

Во второй половине XII в. Новгород обстраивается большим числом церквей этого типа — небольших, скромных, но встречавшихся на каждом шагу среди домов жителей. Новые церкви возводят совместно уличане (жители улицы), архиепископ, купцы, бояре. Церкви эти объединяют вокруг себя политическую жизнь и торговлю отдельных районов города (концов и улиц). В них хранятся товары, в них спасают жители своё имущество во время пожаров, в них собираются братчины, около них устраиваются совместные пиры и т. д.

Первыми из храмов нового типа являются выстроенная в Пскове архиепископом Нифонтом кубическая церковь Спасо-Мирожского монастыря (1130—1152 гг.) с её замечательными фресками, церковь Климента в Старой Ладоге, также построенная Нифонтом в 1153 г.[1], и выстроенная в Новгороде в 1156 г. «заморскими купцами» церковь Параскевы Пятницы на Торговище. Вслед за этими церквами вполне в новом типе строятся церкви Благовещения в Аркажах (1179 г.)[2], Воскресения на Мячине (1195 г.), Петра и Павла на Синичьей горе (1185—1192 гг.) и т. д.

Новый характер построек настолько прививается, что в этом типе строят и сами князья в своей загородной резиденции на Рюриковом Городище. К новому типу церквей принадлежала и всемирно известная церковь Спаса Нередицы, варварски разрушенная немцами.

Она была построена в 1198 г. недалеко от княжеского двора на Рюриковом Городище и расписана фресками в 1199 г. Направо от входа в ней был изображён отец Александра Невского новгородский князь Ярослав Всеволодович в русских княжеских одеждах с моделью Нередицы в руках, которую он как бы подносил сидящему перед ним Христу. Изображение это относится к более позднему времени, чем остальные фрески, и, как предполагают, было выполнено по распоряжению Александра Невского вскоре после смерти его отца в 1246 г.

По сохранности своих фресок Нередица занимала совер-

---

[1] Церковь эта давно уже не существует, но от неё сохранился фундамент, позволяющий установить тип постройки.

[2] Фрески этой церкви частично сбиты немцами, а оставшаяся часть испорчена копотью от топившейся «по-чёрному» времянки, поставленной немцами в церкви.

шенно исключительное место в ряду других церквей средневековья не только в Советском Союзе, но и во всей Европе. Росписи, покрывавшие собою её стены снизу доверху, слагались в стройную систему, отражавшую средневековые представления о вселенной. Вместе с тем в росписи Нередицы даже в её церковные сюжеты проникали изображения, отражавшие и патриотические настроения мастеров, расписавших её, и социальную борьбу своего времени.

Общая схема росписей русских и византийских храмов так, как она сложилась в пору своей наибольшей законченности (XI—XIII вв.), пыталась охватить всю человеческую историю и изобразить всю земную и небесную церковь.

Церковное здание в средние века символизировало собою весь мир. Церковь — это небо на земле. Изображения святых и событий истории занимают в ней строго определённые места. Сама ориентация стен средневековых соборов строго по странам света — на восток (алтарь), запад (притвор), юг и север — вела к тому же обострению чувства вселенной.

Высокие части здания — купол и своды символизировали собою небо, где «цветёт» слава Христа под реальными или символическими формами. В куполе храма обычно изображался глава церкви — Христос в славе, окружённый архангелами и ангелами. В Нередице эта купольная композиция изменена сравнительно с византийской: она изображает Вознесение. В белом поясе вокруг купола находилась полустёртая надпись: «вси языцы (т. е. все народы) восплещите руками». Эта надпись явно утверждала равноправие русского народа в делах религии, что отвергали греки, стремившиеся главенствовать над русской церковью. В четырёх парусах сводов под барабаном купола помещались изображения четырёх евангелистов, соединявших небо и землю и возвещавших по всем четырём странам света слово Христа. В середине здания, посвящённой земной церкви, изображались апостолы, мученики, пророки, святители, преподобные, столпники — в строгой символической системе. Здесь же помещались сцены из евангелия и истории церкви. Замечательною особенностью Нередицы в этой части её была исключительная полнота всей системы росписи. Изображения покрывали её стены сплошь, в том числе и те её нижние части, которые обычно в византийских храмах облицовывали мрамором. Под мрамор расписан в Нередице лишь самый нижний пояс.

Росписи восточной, алтарной части церкви в средние века раскрывали содержание того «таинства», которое здесь совершалось во время богослужения. Вверху алтаря изображалась богоматерь, восседающая на престоле. В Нередице к этому изображению одной богоматери присоединено изображение длинной процессии святых, подходящих с обеих сторон к богородице. Подобные процессии святых в изображениях алтарной части вовсе неизвестны на Востоке. Но в Нередице они сделаны не случайно: дело в том, что во главе процессии по сторонам богородицы стоят первые *русские* святые, представители русской национальной церкви: князья Борис и Глеб. Культ этих святых братьев, павших от руки братоубийцы и изменника Святополка, всегда был связан с политическими идеями единения Руси и прекращения братоубийственных княжеских раздоров [1]. Небезынтересно отметить, что фрески Нередицы были выполнены всего лишь через десять лет после того, как было создано «Слово о полку Игореве», когда, следовательно, призывы к единению звучали особенно своевременно (фрески Нередицы — 1199 г., «Слово о полку Игореве», вероятно, — 1188 г.).

Западная сторона средневековых церквей отводилась для изображения конечных судеб мира — Страшного Суда и второго пришествия Христа как завершения всемирной истории. В этом отразилась характерная черта средневекового мировоззрения, боявшегося пустоты и неведения, претендовавшего на знание даже будущего и обычно доводившего изложение всемирных событий до последних дней мира. Эта композиция Страшного Суда и последних дней вселенной была разработана в живописи Нередицы с исключительной подробностью и представляла многие резкие отличия от византийских. В частности новгородцев интересовало не только то, как будут наказаны на Страшном Суде личные грехи, но и грехи социальные: социальная несправедливость, богачи и властители, обижающие бедных и зависимых. Совершенно исключительный интерес представляет собою одна сцена, входящая в сложную композицию Страшного Суда и характерная для тех социальных волнений, которые испытывал Новгород в XII в. Сцена эта иллюстрирует евангельскую притчу о богаче и бедном Лазаре, в которой рассказывалось о загробном осуждении

---

[1] См. об этом подробнее в книге акад. Б. Д. Грекова «Культура Киевской Руси», Издательство Академии наук СССР, М. — Л. 1944, стр. 63 и сл.

богача на вечные муки и о блаженстве бедного Лазаря. Притча эта пользовалась большой популярностью среди древнерусских книжников, вкладывавших в неё всю свою неприязнь к богатым и дополнявших её описаниями мучений богача. Дополнили её собственными подробностями и мастера Нередицы. Среди изображений адских мучений представлен богач, сидящий в огне, а перед ним сатана с сосудом в руке. Богач показывает себе на язык и взывает к Аврааму, который изображён напротив с душою бедного Лазаря на лоне: «отче Аврааме, — говорит богач, как это можно прочесть в надписи, — помилуй мя (меня) и посли (пошли) Лазаря, да омочить пърст (палец) свой в воде и устудить (остудит) ми (мне) язык: изъмагаю бо (ибо изнемогаю) в пламени семь», на что сатана подносит ему сосуд с огнём и говорит, насмехаясь: «друже богатый, испей горящего пламени». В Византии эта композиция неизвестна.

Фрески Нередицы были выполнены с поразительным мастерством. Ища общего, вечного, вневременного смысла изображений, живопись XI—XII вв. искусственно отбирала из реального мира лишь общие признаки, эмблемы, знаки божественного смысла. В изображениях Нередицы первое место и по размерам и по центральному положению занимают человеческие фигуры. Одинокие, фасно поставленные фигуры святых стоят по большей части без всякой связи друг с другом на самом внешнем краю изображения.

Их прямо устремлённые перед собою взоры и спокойные жесты кажутся застывшими. Изображения людей как бы выключены из окружающей обстановки, перенесены в идеальный мир: пейзаж почти отсутствует, человеческие фигуры как бы находятся вне пространства и вне времени.

Но в это типичное для XI—XIII вв. идеалистическое церковное искусство мастера Нередицы сумели внести элементы реализма: человеческие фигуры рельефны, почти весомы, а их индивидуальные характеристики даны с поражающей силой. Особенно сильно изображение Лазаря, «воскрешённого» из мёртвых: его изборождённое морщинами лицо с опущенными веками — лицо выходца с того света. В композицию крещения внесены натуралистические детали: среди группы ожидающих крещения один скидывает через голову рубашку и запутался в ней, другой плывёт в исподних штанах, остальные снимают одежду, сбрасывают сапоги.

Фрески Нередицы были исполнены русскими мастерами, что доказывается надписями: они почти сплошь русские — за исключением нескольких греческих, в которых, однако,

сделаны характерные для русских ошибки. Язык этих надписей обнаруживает черты новгородского произношения.

Без детального знакомства с фресками Нередицы не мог обойтись не только специалист в области древнерусского искусства, но и специалисты-византологи, а также учёные, изучавшие западноевропейское искусство средневековья. Ныне Нередица лежит в развалинах. Немецкие вандалы безжалостно разрушили её орудийным огнём. Сохранилась лишь часть фресок в восточной, алтарной, стороне церкви, южной и северной, стены которых частично ещё стоят.

Установление нового политического порядка в Новгороде сказалось не только на изменении общего характера новгородского искусства, но и в письменности. Резко меняется летописание, которое отныне приобретает черты простоты, лаконизма, интереса к быту и известного «демократизма» стиля и языка, становящихся обычными в новгородском летописании вплоть до XV в.

Антикняжеский переворот 1136 г. и изгнание Всеволода побудили новое «республиканское» правительство Новгорода пересмотреть политические установки прежнего княжеского летописания. Эту работу Нифонт поручил Кирику — уставщику Антониева монастыря в Новгороде. Кирик изъял из новгородской летописи находившуюся в начале её сочувствующую князю Владимиру Мономаху «Повесть временных лет» и заменил её резко антикняжеским Киево-Печерским сводом 1095 г. Свод этот открывался предисловием, прямо направленным против княжеской власти. Автор этого предисловия упрекал князей в алчности, в несытстве, в разорении людей налогами и поборами. В тот момент, когда в Новгороде от князя отбирались его права, доходы и владения, а сам князь был изгнан из Новгорода, это вступление к новгородской летописи отлично служило делу антикняжеской пропаганды. Остальные записи княжеской летописи были сильно сокращены в порядке их цензурования новым «республиканским» правительством Новгорода.

Со времени переворота 1136 г. новгородская летопись становится резко своеобразной и по своему содержанию, и по своему стилю. Она не похожа ни на одну другую русскую летопись. Новая «республиканская» новгородская летопись уделяет всё большее и большее внимание местным городским событиям: пожарам, стихийным бедствиям, внутренним волнениям и т. д. Летописец интересуется прежде всего теми происшествиями, которые отражаются

на благосостоянии населения, затрагивают его непосредственные нужды.

С редкой последовательностью новгородский летописец отмечает всякое повышение цен на хлеб и описывает непогоду, отражавшуюся на состоянии жатвы. Новгородский летописец не забывает отметить радость новгородцев по поводу того или иного счастливого исхода событий и сопровождает восклицаниями ужаса всякое общественное несчастие: голод, пожары, наводнения.

Наряду с «демократизацией» содержания летописных записей «демократизируется» и их язык. Появляются обороты деловой речи, пробивается местное произношение, народные, просторечные выражения.

Но новгородское летописание велось не только при дворе новгородского архиепископа. Так, например, в позднейших летописях, путём их сопоставления и анализа, можно выделить летопись, которую в течение двухсот лет вели в небольшой уличанской церкви Якова в Неревском конце. Её настоятель — поп Герман Воята — начал вести летопись своей церкви после восстания 1136 г., придав ей поразительно необычный для средневековой письменности характер домашности, простоты и субъективизма. Круг интересов Германа Вояты неширок — это внутренние события городской жизни: постройки церквей, Великого моста через Волхов, уличные события не слишком большого значения, например, напрасный переполох в городе, вызванный ложным слухом о том, что к Новгороду подошло войско псковичей. Герман Воята отмечает в своих записях дороговизну, состояние погоды. Он пишет о жаре, стоявшей 2 недели, о пережжённой от этого жатве и о начавшейся затем дождливой погоде, так что, — пишет о себе летописец, — «не видехом ясна дни ни до зимы» (1145 г.). «На ту же осень зело страшьно бысть,— записывает Воята,— гром и мълния, град же яко яблъков боле, месяца ноября в 7 день, в час 5 нощи» (1157 г.). Занесёнными в краткие записи Вояты оказались и ложные слухи и сплетни (о Нифонте, например). Не мудрствуя лукаво, Воята записывает в свою летопись сообщение об утонувших в Волхове попах, рассказывает о состоянии хлебов, о покосах сена, об унесённых разливом Волхова дровах, о громе, слышанном им зимой, очевидно, во время занятий в архиепископской канцелярии («в истьбе седяще»), и, наконец, о собственном поставлении в попы (под 1144 г.). Всё это изложено Воятой довольно последовательным и крепким просторечием, часто от первого лица. Воята, как видно, ограничен в своих инте-

рёсах, но по-своему талантлив, не боится отступать от средневековых трафаретов книжности, вкладывая в свои записи личные интересы и вкус к быту. Непосредственная заинтересованность в описываемых событиях, облик живого человека остро ощущаются в ненарочитой простоватости его записей.

ГЛАВА III

НОВГОРОД В ГОДЫ БОРЬБЫ С НЕМЦАМИ И ШВЕДАМИ

В 1237 г. плохие дороги и непроходимые болота преградили дорогу на Новгород коннице Батыя, в значительной мере обескровленной и ослабленной мужественным сопротивлением русских княжеств. Татарские войска не рискнули встретиться с сильным новгородским войском и повернули назад из района озера Селигер. Северо-запад Руси счастливо избег татарского разгрома. Однако Золотая Орда стремилась подчинить Новгород и обложить его данью наравне с покорёнными русскими княжествами. Зимой 1257/58 г. в Новгород являются татарские баскаки для переписи населения. Через год, в 1259 г., туда вновь приезжают «татары-сыроядци». В Новгороде разгорается восстание: чёрный люд выступает также и против бояр, пытавшихся переложить всю тяжесть поборов на меньших людей: «творяху бо бояре себе легко, а меньшим зло». Татары принуждены скрыться от народного озлобления. События грозили перейти в конфликт Новгорода с Золотой Ордой, который предусмотрительно предотвращает Александр Невский, понимавший, что разгром Новгорода Ордой повлечёт за собой подчинение его более страшному врагу— немцам. Новгород с этой поры начинает платить «выход ордынский» и становится в политическую зависимость от Владимиро-Суздальского княжества. «Старейшая русская республика» (Маркс) разделяет общую участь русских княжеств и вступает в борьбу с натиском Швеции и ливонских рыцарей как часть русской земли.

Александр провёл юность в Новгороде. Здесь княжил его отец Ярослав Всеволодович. Здесь, начиная с 1236 г., княжил и он сам. Александр любил Новгород, знал новгородцев и умел подчинять их своей власти. Новгородцы высоко ценили своего князя, с уважением отзывались о его воинском искусстве, видели в нём надёжного защитника против иноземного нашествия, которым грозила Новгороду тяжёлая военная обстановка второй четверти XIII в.

В 1236—1240 гг. страшный разгром Руси полчищами татаро-монголов дал немцам надежду на подчинение себе северо-западной Руси. К этому времени происходит объединение немецких рыцарей в Прибалтике: ордена Меченосцев и Тевтонского ордена.

В то же время (1239 г.) папа римский вёл переговоры о совместном выступлении ордена и Швеции против Руси. Казалось, полчища врагов не могли встретить сильного сопротивления в дотла разорённых городах и сёлах Руси. Крестоносное войско шведов первым выступило в поход. Шведы прибыли на кораблях в Неву и остановились в устье Ижоры, намереваясь итти на Новгород. Во главе шведского войска стоял зять короля Эрика — Биргер, фактический правитель Швеции. Большое войско шведов было хорошо вооружено и прекрасно организовано. Биргер не сомневался в успехе и выслал Александру гордое объявление войны: «Если можешь противиться нам, то я уже здесь и пленю землю твою». Шведам казалось, что Александр, которому было всего лишь 20 лет отроду, не сумеет собрать дружину и защитить Новгород. Однако Александр и в двадцать лет был уже зрелым воином. «Разгоревшись сердцем» (так пишет летописец), Александр, не тратя времени на сборы, с небольшой дружиной двинулся на шведов, чтобы стремительным ударом разбить врага. На пути Александра встретил старейшина Ижорской земли, местный житель ижорец Пельгусий, который по поручению Александра нёс морскую стражу. Пельгусий рассказал Александру о расположении и количестве шведов.

15 июля 1240 г. Александр внезапно напал на шведов и разбил их. Сражаясь в рядах своего войска, Александр нанёс удар мечом в лицо самому Биргеру. Шесть простых ратников особенно прославились в этой битве. О подвигах их рассказывает житие Александра. Поражение шведов было окончательным.

Вскоре после этой великой победы на Неве, за которую Александр получил впоследствии прозвание Невского, он рассорился с новгородским боярством и уехал из Новгорода. Воспользовавшись отъездом Александра, немецкие рыцари вторглись в русские земли. Они намеревались захватить Псков, а затем напасть на Новгород. Измена князя Ярослава Владимировича, которого псковичи перед этим прогнали от себя, облегчила им поход.

Войско рыцарей, в которое были завербованы также жители Дерпта, Оденпе и Феллина, захватило отчаянно сопротивлявшуюся крепость Изборск. Жители Пскова

выступили против рыцарей. Под Изборском развернулось большое сражение, но псковичей было слишком мало, и они были разбиты. Немцы подошли к Пскову, но взять штурмом его крепкие стены не смогли. Жители храбро отбивались, но измена открыла немцам путь в город: псковский посадник Твердило Иванкович с боярами-изменниками впустил немецких захватчиков в Псков. Часть псковичей успела бежать в Новгород с жёнами и детьми.

Захватив Псковскую землю, немцы попытались здесь закрепиться и построили крепость Копорье. Они стали грабить население, отнимали коней у крестьян, угоняли скот. В своих грабительских набегах немцы доходили почти до самого Новгорода.

Жители Новгорода потребовали от бояр возвращения Александра. К нему послали послов. Перед лицом опасности, угрожавшей русской земле, князь, забыв обиды, вернулся в Новгород и стал собирать войско из новгородцев, ладожан, карел, ижорян.

Прежде всего он взял Копорье, срыл до основания его укрепления, освободил окрестное население. К войску Александра присоединились ратники и из других русских областей. С большой ратью из центральных областей Руси пришёл брат Александра Невского Андрей. Общая опасность объединяла русских людей, и в этом объединении чувствовалось предвестие будущего государственного объединения Руси. Память об этом единении русских людей в рати Александра Невского долго сохранялась в народе и дожила до той поры, когда вся Русь объединилась под чёрными княжескими знамёнами другого замечательного русского полководца и государственного деятеля — Дмитрия Донского. Дмитрий Донской с гордостью причислял к своим предкам Александра Невского и призывал следовать его примеру.

Войско Александра Невского двинулось к Пскову. В 1242 г. Александр подступил к стенам Пскова и взял их приступом. В числе захваченных им пленных были орденские наместники. Освободив всю Псковскую область от власти ордена, Александр Ярославич вторгся во владения ордена. Огромное немецкое войско выступило ему навстречу. Немцы хвалились, по словам составителя жития Александра Невского: «возьмём князя Александра руками». Немцы просчитались.

Александр приготовился встретить немецких рыцарей у Вороньего камня на Чудском озере. Готовясь к встрече с рыцарским войском, Александр Невский ясно представлял

себе силу фронтального удара знаменитой немецкой «свиньи» (построение войска клином), слабость её флангов и затруднительность перестроения её рядов во время боя. В соответствии с этим Александр построил свои войска так, чтобы основные силы его рати находились не в центре, а на флангах.

5 апреля 1245 г. на весеннем льду Чудского озера, у Вороньего камня, произошло сражение, в котором храбрость русских воинов, боровшихся за свободу своей родины, привела к разгрому немецких захватчиков.

Немецкий клин, ударивший в центр русского войска, был в свою очередь зажат с флангов и с тыла. Немцы оказались наголову разбитыми. Не было видно льда от покрывшей его крови. Семь вёрст гнал Александр немецких «рыцарей» по озеру. Многие из них утонули, многие были убиты и изранены. Для немцев это сражение было настоящим побоищем, недаром народ дал ему название Ледового побоища.

Победа новгородских воинов на льду Чудского озера преградила путь немецким «рыцарям» в русские пределы, надолго отбросив их от границ Новгорода и всей русской земли.

Личность Александра Невского оставила глубокий след в русской истории. Уже в представлениях современников он был народным героем, богатырём. Его имя было окружено легендами. Сразу же после смерти Александра, оплакиваемого всем народом, было составлено его житие, в котором в глубоко поэтической форме излагается биография Александра Невского. Славе Александра житие придаёт всемирное значение: народы «по всем странам» трепещут его имени, король северной страны завидует Александру, римский папа посылает к нему своих кардиналов, Литва боится его, татарские жёны пугают своих детей угрозой «Александр едет», и сам Батый признаёт его превосходство над всеми остальными русскими князьями. Магистр Ливонского ордена меченосцев Андрей фон Вельвен (в житии — Андреяш), возвратясь на родину, так отзывался о дивном росте Александра: «не видал такого ни в царях царя, ни в князьях князя».

Народная любовь к своему герою отразилась в житии Александра Невского: он наделяется всеми необычайными качествами: голос его звучал, как труба, храбростью он напоминал римского цесаря Веспасиана, силой — Самсона, красотою — Иосифа Прекрасного, мудростью — Соломона. Так было выражено в его житии то впечатление, которое

он оставил по себе в народе. По смерти его народ плакал и говорил: «уже погибаем». При встрече его тела в Боголюбове люди так рыдали, «яко земли потрястися».

Со времени княжения в Новгороде великого князя Александра Невского, сумевшего завоевать себе на Руси непререкаемый авторитет победами над шведами и немцами, меняется отношение новгородцев к княжеской власти. Военные труды становятся на первое место в государстве Новгорода и за военным специалистом — князем признаётся право вмешательства в управление страной. Александр Невский круто обращался с новгородским боярством, и новгородцы терпели его властную руку, зная, что без него им не обойтись.

На конец XIII—XIV вв. приходится расцвет новгородской торговли с Западом и с «Низовской землёй»— северо-восточными княжествами, а через них с Золотой Ордой. Не малая роль в торговле с Западом принадлежала Ганзе и входившим в её состав городам Любеку, Риге, Ревелю, Дерпту (Юрьеву) и Висби на острове Готланде. Стремясь сохранить за собой основные пути этой торговли, новгородцы активно обороняют районы по Неве и Луге, которые пытается захватить Швеция. В конце XIII в. Швеция строит Выборг и Кексгольм, сразу же взятый и разрушенный новгородцами; в 1300 г. Швеция строит в устье Охты Ландскрону, также взятую и срытую новгородцами. Юрий Данилович осаждает в 1322 г. Выборг, строит Ореховец в устье Невы и вынуждает Швецию заключить длительный мир (1323 г.), закрепивший Неву за Новгородом и воспретивший Швеции строить крепости у границы.

В 1348 г. король шведский Магнус объявляет крестовый поход на Новгород. В обмен на помощь псковичей Новгород признаёт самостоятельность Пскова. Однако в решительную минуту под Ореховцем псковичи оставляют новгородцев одних, вынужденные к тому известием о нападении на их собственную землю. Новгородцы одни справляются с Магнусом и заключают мир, надолго утихомиривший Швецию.

Несмотря на то, что Новгород избег непосредственного разгрома Батыем, общая судьба русской земли не замедлила сказаться и на новгородском искусстве.

В первой половине XIII в. наблюдается упадок строительной деятельности не только в тех русских областях, которые подверглись опустошительному разгрому татаро-

монгольских орд, но и в Новгороде. Новгородское искусство этой поры нам известно очень мало. Это объясняется в первую очередь экономическим оскудением Новгорода: татаро-монгольское нашествие окончательно отрезало торговые пути на юг в Византию, и новгородская торговля испытывает значительный кризис. Но всё же архитектурное искусство не замирает в Новгороде.

Единственный сохранившийся памятник русского каменного строительства XIII в. — церковь Николы Липного около Новгорода (1292 г.). Затерянная среди непроходимых болот, церковь Николы Липного, выстроенная при сыне Александра Невского — Андрее Александровиче, представляет исключительный интерес и для истории русской архитектуры и — своими фресками — для истории русской живописи.

Церковь представляет собой почти правильный куб. Деление стены на три части «лопатками» (пилястрами) отсутствует. Кровля первоначально шла по трёхлопастным аркам, выложенным снизу отвислыми арочками. Такими же арочками украшен барабан под шлемовидным куполом.

Одна глава и одна алтарная апсида подчёркивают монолитность всего здания.

Древние фрески, расчистка которых была начата в 1930 г., представляют исключительный интерес. Изображения Бориса и Глеба, многочисленных фигур воинов в верхних поясах росписи, исполненные русскими мастерами, сильно отличаются от форм византийского искусства и дают важный материал для изучения одежды и вооружения новгородских князей XIII в.

Под ударами «Батыевой рати» погибли многие очаги русской письменности, гибли и самые книги. Так, например, при взятии Владимира, в числе других похищенных в Успенском соборе сокровищ, татары, по словам летописи, «и книги одраша». Не удивительно, что после 1238 г. ряд существовавших до того центров книжности сразу же и надолго замирает. Замирает книжное дело в «матери городов русских» — Киеве, в Чернигове, в Суздале и др. Иной была судьба книжности в тех городах, которые или вовсе избегли разорения (Ростов, Псков, Новгород) или быстро сумели оправиться от него (Галич, Владимир Волынский).

Работа книжников не только не пострадала в Новгороде, но даже заметно выиграла. В Новгород приливают книж-

ные богатства, переселяются и книжники, ищущие здесь спасения от тревог татарщины. Многочисленные новгородские рукописи этого периода сохранились до наших дней в составе Типографской и Синодальной библиотек в Москве. Оба эти книгохранилища, возникшие во второй половине XVII в., бережно сохранили вытребованную в 1679 г. из Новгорода и Пскова специальным приказом патриарха Иоакима большую партию «старобытных», как говорилось в приказе, «харатейных» (т. е. пергаменных) книг для сверки с ними печатавшихся тогда в Москве богослужебных изданий.

Из приписок на новгородских книгах уясняются и мотивы для написания и социально-бытовой облик переписчиков. Из них видно, прежде всего, что кроме новгородской архиепископской канцелярии, так называемого «владычнего двора», в деле изготовления новгородских книг участвовали также многочисленные новгородские монастыри и приходские церкви. Так, например, древнейшим очагом новгородской письменности был женский Лазарев монастырь в Неревском конце, упоминаемый иногда в новгородских летописях: там возникли многие древнейшие и ценнейшие памятники русского письма — служебные минеи 1095 и 1096 гг. и ряд памятников XII в. (например, известное Милятино евангелие 1188 г. в Публичной библиотеке в Ленинграде); не прекращалась там работа над книгой и в XIII в.

Из наиболее ранних книжников Лазарева монастыря известны по именам: Матвей, Лаврентий, Домка и Городен; замечательно, что изготовленные ими ещё в XI—XII вв. рукописи — их всего уцелело девять — не только переплетались там же в XIII—XIV вв., но и сохранялись в том же самом монастыре, для которого когда-то были написаны: большинство из них поступило в 1679 г. на Московский печатный двор с пометой: «Лазарева монастыря». Такая исключительная по длительности, в целых 500 лет, сохранность книги на месте её возникновения, едва ли вообще возможная в других областях древней Руси, кроме Новгорода, здесь, напротив, не была, надо думать, большой редкостью. На полях и переплётах древних новгородских рукописей сохранилось не мало приписок их владельцев. Эти приписки очень характерны и вводят нас в самую гущу древнего новгородского быта.

Любопытна приписка на Синодике (книге, куда вписывались для поминания в молитвах имена умерших), заполнявшемся в Лисицком монастыре, начиная с 1397 г., почти

200 лет, о ежегодных пирах-поминках, устраивавшихся вдовой новгородского посадника Афанасия Евстафьевича: «месяца октября в первый день Покрова святые Богородицы обед Марьин Офонаса Остафьевича посадника, обед вечный на память себе и своим родителем, а служити игумену и священникам по моих родителях, обедня собором, а братьи на трапезе бочка квасу слащоного, Марьи за здравье и её сыну Микити з женой и з детьми». Связь богослужебной книги с тогдашним бытом здесь очевидна.

Ряд приписок позволяет установить, когда именно новгородская письменность достигла наивысшего своего расцвета: имя новгородского архиепископа Моисея, управлявшего «домом св. Софии» с 1323 по 1330 и вторично с 1352 по 1389 год, встречается в пергаменных новгородских рукописях не раз, при этом так, что не оставляет сомнения в неслучайном характере упоминания. «Повелением архиепископа новгородского Моисея» пишут, например, «Леонид и Иосиф, владычни робята», т. е. чиновники архиепископской канцелярии, в 1356 г. пролог. Годом раньше, опять-таки «повеленьем боголюбивого архиепископа новгородского Моисея», тот же Леонид, носивший, как оказывается, прозвище Языковича, в содружестве с каким-то Григорием, тоже, должно быть, владычным дьяком, переписал евангелие, пожаловавшись при этом в заключительной приписке на трудность своей работы: «лихое (плохое) перо, невольно (неудобно) им писать рабу многогрешному Леониду Офонасовичю». Как видно отсюда, на владычнем дворе в середине XIV в. книги переписывались систематически, одними и теми же должностными лицами, из года в год. Однако наряду с инициативой архиепископа новгородская книжность знает в ту эпоху и инициативу «уличан» — общественных организаций отдельных районов города: трефалогий 1424 г. написан был «повелением раб божиих уличан Михайловьцов и Видковлян», т. е. жителей Михайловской и Видковой улиц на Торговой стороне, отстроивших незадолго перед тем заново свою приходскую церковь [1].

Особенное значение для всей русской культуры в целом имело то обстоятельство, что в пору, когда были разгромлены все основные старые центры русского летописания — Киев, Чернигов, Владимир, Переяславль Южный и др., — новгородские летописцы не только продолжали свою работу, но и значительно её расширяли, непрерывно

[1] Раздел о новгородских рукописях написан на основании неопубликованной статьи покойного В. Л. Комаровича — «Просвещение XIII—XV вв.».

обогащая замечательные летописные богатства Новгорода.

Начало XIII в. приносит существенный перелом в новгородском летописании. К XIII в. значительно расширяется обычная тематика летописных записей. Летописца начинают интересовать события вне стен его родного города. Появляется понятие русской земли, до того почти совершенно отсутствовавшее в новгородской летописи. Этот интерес новгородского летописания к общерусским событиям возникает в связи с политикой новгородского князя Мстислава Удалого, вмешавшего Новгород в дела северо-восточных княжеств. Последующая зависимость Новгорода от северо-восточных княжеств окончательно закрепляет внимание летописца к общерусским событиям.

С начала XIII в. новгородская летопись следит за действиями немцев и татар, а затем и шведов. Годовые летописные статьи становятся пространнее, шире описываются в них события городской жизни: столкновения классов, вечевые раздоры, отъезды и приглашения князей. Летопись приобретает ту широту письма и обширную осведомлённость, которая позволила Москве позднее — в XV в. — использовать новгородское летописание в составлении своих грандиозных общерусских сводов.

На всём протяжении XIII—XIV вв. новгородскую летопись характеризуют крепкое бытовое просторечие и разговорные обороты языка, которые придают ей тот характер демократичности, которого мы не встречаем затем в московском летописании ни перед тем — в южном (киевском, галицко-волынском и др.). Летописец говорит о врагах, что они разбежались «куды кто видя» (1228 г.); архиепископа новгородского Антония, рассказывает он, выпроводили из пределов города «пьхающе за ворот» (1228 г.), а Ольгерд обвинял новгородцев в том, что один из посадников «лаял» его и называл «псом». Летописец рассказывает, что во время погрома Торжка тверичами они «одираху до последней наготы, рекше до срачицы (сорочки)» добрых жён и девиц, так, что те «от срамоты и истопошася в воде», и т. д. Новгородская летопись сохраняет некоторые местные особенности произношения и областные выражения, ещё и до сих пор бытующие на севере («гора» — в значении берег, материк; «повалить» — в значении лечь), и т. д.

Всё это вместе взятое придаёт новгородским летописям тот характер домашности, непосредственности, непритязательности и деловитости, который вообще выделяет новгородскую литературу из литературы других областей.

Характерною особенностью новгородской летописи XIII—

XIV вв. является то, что летописец записывает события нимало не медля по их свершении, под свежим впечатлением. Новгородская летопись иной раз близка по характеру к дневнику. Описывая голод 1230 г., летописец восклицает: «на улици скорбь друг с другом, дома тоска, зряще (видя) детий плачюще хлеба, и другая умирающа». Во многих случаях новгородский летописец с такой непосредственностью передаёт события и сопровождает их такими бытовыми деталями, что мы без труда узнаём в нём если не их участника, то во всяком случае очевидца. Описав, например, разрушение Волховского моста льдом, внесённым в Волхов из Ильменя южным ветром, летописец так определяет время этого происшествия: «толко успел посадник перейти со всем вецем (вечем) на Торговую сторону»; или, описав землетрясение, прибавляет: «тресеся земля... в обед, а инии уже бяху отъобедали».

Новгородский летописец многого не договаривает, пишет как бы для памяти того, кто был сам участником или свидетелем событий. Большинство записей начинается с определения происшедшего: «бысть мятежь», или «бысть пожар», или «ходили люди молодые на Волгу» и т. д. Например: «В лето 6795. Бысть мятежь велик в Новегороде на Смена Михайловича: въста (восстал) всь (весь) Новъгород, без исправы, поидоша на него изо всех концов, яко сильная рать, всякий в оружии, силою великою; жалостьно видение! и тако поидоша на двор его, взяша всь дом его с шюмом (с шумом). Симеон прибежа к владыце и владыка провади (отправил) в святую Софею; и тако ублюде (сохранил) бог, и заутра (и на завтра) снидошася в любовь» (т. е. помирились). В этой характерной для новгородской летописи записи не разъяснено — кто был Симеон Михайлович, почему на него «без исправы» отправился весь Новгород и что было причиной быстрого примирения с ним новгородцев. Летописец не пишет об этом как о вещах, само собой разумеющихся и, может быть, недостойных упоминания.

В XIII веке летописец нередко выступает ещё на стороне чёрного люда и осуждает бояр. Под 1255 г. летописец рассказывает, как вятшие люди (бояре) составили «с[о]вет зол како побе[ди]ти меншии (меньших людей), а князя вывести (пригласить) на своей воли». Меншии люди клялися стать всем «любо живот, любо смерть (либо на жизнь, либо на смерть), за правду новгородьскую за свою отчину». В 1259 г., когда «окаянные татары сыроядцы» приехали переписывать новгородцев, летописец с сочув-

ствием описывает волнение меньших людей, не хотевших платить выкупа татарам и собиравшихся честно умереть за св. Софию. «Творяху бо бояре себе легко, а меншим зло», — пишет летописец. И в том и в другом из приведённых случаев сочувствие летописца всецело на стороне менших людей.

Однако чем дальше, тем яснее определяется скептическое и отрицательное отношение летописца к вечу, к народным волнениям и к тем известиям, которые доходят до его слуха. Рассказывая, как били на вече и затем свергли с моста в Волхов Игната Беска, летописец прибавляет: «творяхуть бо его перевет державша (т. е. обвиняли его в измене) к Михаилу (князю-изменнику); *а бог то весть*». Иногда своё скептическое и недоверчивое отношение к происходящему летописец выражает пословицей: «еже бо сееть человек, тоже и пожнеть» или «кто под другом копает яму сам впадется в ню». Простодушно молит летописец бога, чтобы он покарал грабителей «оканьны человеци, бога не боящеся, ни суда божия помняще»: въздажь им, Господи, по делом их».

Летописец осуждает одних, молится за других, прося им у бога отпущения грехов «в сий век и в будущем», сомневается по поводу верности слышанных им сведений и т. д. Эти сомнения, проклятия и молитвы летописца передают читателю тревожную атмосферу новгородской жизни, ещё не остывшие следы которой ощущаются в летописи.

Летописец постоянно подчёркивает бессмысленность, ничтожность городских междоусобий. Новгородские междоусобия в толковании летописца всегда начинаются внезапно («восташа весь город», «смятошася людие») либо вовсе без поводов, либо от какой-нибудь случайной драки «некоего человека» с боярином. Такое отношение к городским волнениям было, очевидно, обычным в Новгороде. Об этом можно судить хотя бы по тому, что и позднейшие былины новгородского цикла (о Василии Буслаеве, Садко и др.) устойчиво хранят в себе те же приёмы в их изображении:

От того ли от бою кулачного
Начиналася драка великая.

Новгородский летописец находит вкус в описании военных столкновений с внешним врагом, иногда в описании быта и нравов своего города и всегда точен и не по-церковному энергичен, когда предоставляет слово непосредственным участникам событий. В этой краткости и энер-

гичности речей новгородцев как бы отразился язык вечевых собраний. Несомненно, что вече выработало какие-то свои формы обращения к массе, умение сжато и энергично выразить политическую программу в легко доступной и легко запоминающейся формуле. Едва ли не именно этот отголосок веча составляет наиболее любопытную сторону новгородской летописи. Такова, например, знаменитая речь посадника Твердислава на новгородском вече, неоднократно приводившаяся историками для характеристики лаконизма новгородской летописи: «тому есм рад, оже вины моей нету; а вы, братье, в посадничьстве и в князех» (1218 г.) (т. е. «я рад тому, что вы не находите меня виновным; вы, братья, вольны в выборе посадников и князей»).

Не только лаконизм, но и образность, почти пословичность отличают речь новгородской летописи. Сильна и выразительна угроза Юрия новгородским послам, которой он подкрепил своё требование выдать ряд своих недругов: «не выдадети ли, а я поил есмь коне Тъхверью (рекою Тверью), а еще Волховомь напою», и ответ новгородцев: «княже! кланяемьтеся; а братьи своей не выдаваем, а кръви не проливай; пакы ли твой мець, а наше головы?» (1225 г.) (т. е. «князь, кланяемся тебе, но братии своей не выдаём; крови же не проливай; если же не согласишься, то твой меч властен над нашими головами»); или речь того же Юрия на вече: «не хочю у вас княжити, иду Цьрнигову (т. е. к Чернигову); гость (т. е. купцов) к мне пускайте; а яко земля ваша, тако земля моя». Такова же энергичная речь Мстислава Удалого, сказанная им на вече против Ярослава, пытавшегося перенести центр новгородской торговли в Новый Торг (Торжок): «да не будеть Новый Търг Новгородом, ни Новгород Тържькомь; но кьде святая София — ту (тут) Новгород», или другая его речь на Ярославовом Дворище перед походом на Суздаль... «любо изищу мужи новгородьстии и волости, пакы ли а головою повалю за Новъгород» (1215 г.) (т. е. «либо отобью мужей новгородских и владения Новгорода, либо голову свою сложу за Новгород»). Характерный признак этих речей составляет антитеза: «Мы собе, а ты собе», «да не будеть Новый Търг Новгородом, ни Новгород Тържькомь», «твой мець, а наше головы», «яко земля ваша, тако земля моя» и т. д. [1].

---

[1] Эта же форма антитезы выражена, кстати, и в новгородских договорных грамотах, например: «что новгородцев, то новгородьцем, а что пошло князю, а то княже», или «а кто речеть суд, а тому суд» и т. д.

Дух новгородского веча, легко воспринимаемая поговорочная форма, в задачу которой входило привлечь сторонников и объединить их крылатой формулой, — всё это составляет характерную черту прямой речи в новгородской летописи. Невольно и в этом отношении напрашивается сравнение летописи с новгородскими былинами, прямой речи летописи с лаконичным и энергичным приглашением новгородского ушкуйника Васьки Буслаева вступать в его дружину:

Кто хочет пить и есть из готового:
Вались к Ваське на широкий двор.

Летописец, как мы уже видели, с осуждением повествует о вечевых драках и потому сдержан в приведении деталей, которые оживили бы его рассказ. Он подчёркивает случайность раздоров и неохотно вдаётся в подробности, но за этим привычным лаконизмом новгородской летописи мы узнаём те же детали столкновений, которые нам известны и по былинам новгородского цикла: драки на Волховском мосту, где выходила одна сторона против другой, грабёж, в котором принимали участие лихие люди, «иже бога не боятся», не разбиравшие ни своих, ни чужих, участие в драках женщин, примирительная роль владыки, выходившего на Волховский мост прекращать усобицу. Как видно по летописи, причины драк на «мостике на Волховском» гораздо серьёзнее, чем это изображено в народной поэзии. Не спор о заклад, а глубокие социальные противоречия лежали в их основе, хотя летописец и склонен преуменьшать внутренний смысл событий. Есть различие и в отношении к этим столкновениям: былины любуются удальством и кровопролитными шуточками новгородских молодцов, — летопись же с осуждением относится к «пьянчивым и драчливым» людям, рассматривая усобицы как козни дьявола.

Ещё одно явление новгородской жизни оказалось отмеченным в летописи и сохранилось в былинах новгородского цикла: это — «ушкуйничество». К сожалению, летопись чрезвычайно кратка в упоминаниях об этом явлении, например: «Ходили молодые люди и положила всю Волгу пусту».

Под 1320 г. новгородская 4-ая летопись занесла известие о неудачном походе ушкуев Игната Малыгина на самую Норвегию. В 1349 г. новгородцы снова ходили на берега Норвегии. В 1366 г. грабежи ушкуйников на Волге вызвали жалобу великого князя Московского. Повиди-

мому, жалоба пристыдила новгородцев, потому что летопись, как бы оправдываясь, записывает, что «люди молодые» ходили на Волгу «без новгородского слова» (т. е. без новгородского разрешения).

Краткостью и немногословностью отличается новгородская летопись и в описаниях столкновений с немцами и шведами. Летописец верен себе, когда передаёт совершившееся лишь в нескольких словах, деловито избегая подробностей и литературных распространений. Но немногословие летописца многозначительно. Рассказывая о взятии Юрьева новгородцами в 1262 г., летописец отмечает: «И бяше град тверд Юрьев, в 3 стены; множьство людий в немь всякых». Однако «ни во что же твердость та бысть, но помощью божиею одинымь приступлениемь (одним приступом) взят бысть». Летописец не останавливает своего внимания ни на приступе, ни на деталях похода, объясняя всё дело только тем, что «сила и святой Софии всегда низлагаеть неправду имеющих».

Под 1300 г. летописец рассказывает, как пришли из-за моря в Неву шведы с наместником короля, как привели с собой мастеров из своей земли и от папы римского и построили в устье Охты над Невою крепость, утвердив её «твердостию несказаньною», поставили метательные орудия, «похвалившеся оканьнии, нарекоша его Венець земли» (Ландскрона) и т. д. Сведения эти вполне точны: маршал Торкель Кнутсон, правивший Швецией вместо малолетнего короля Биргера, сам присутствовал при построении Ландскроны. Дальнейший рассказ новгородской летописи необычайно краток: новгородцы с великим князем Андреем сыном Александра Невского «потягнуша крепко» и в результате «твердость та ни во чтоже бысть». Новгородцы взяли город, запалили и разнесли до основания. Единственное замечание от себя, которое позволяет себе летописец, несложно: «А покой, господи, в царствии своемь душа тех, иже у города того головы своя положиша за святую Софию».

Последующие записи летописей не менее лаконичны: «Того же лета (1368) приходиша немци ратью великою, сам бискуп (епископ) и мастер и кумендере (командор) под Изборск; и новгородци поидоша на них, и доидоша до Пьскова; и немце от Изборьска побегоша, а порокы (стенобитные орудия) посекши».

Одновременные новгородской летописи Хроники Ливонии показывают, насколько ожесточённой была борьба русских с натиском немцев; победы давались новгородцам

не лёгкою ценою. Однако, пропуская подробности одержанных новгородцами побед, летописец подчёркивает, что иного исхода борьбы и быть не могло. Скрытая мысль летописца довольно ясна: новгородцы побеждают немцев, несмотря на все их хитрости, потому что правда на стороне новгородцев, а немцы нарушают договоры, лживы, высокоумны и горды. В данном случае скрытая мораль летописных повествований о борьбе с немцами не эпизодична и не случайна: она близка к народной морали позднейших былин новгородского цикла, проникнутых мыслью о правоте скромного, о наказании хвастливого и гордого. Именно поэтому в былине прощается Садко всё его бахвальство, когда он выбрал у подонного царя в невесты самую последнюю из трёхсот показанных ему девиц — девушку Чернавку. Только тогда оказывается он на берегу реки Чернавки у Новгорода. В былинах о Василии все беды обрушиваются на него оттого, что он на пиру порасхвастался или, пренебрегая предостережением, чересчур понадеялся на свои силы. Самую дружину Василия Буслаева составляют типичные в этом отношении лица: Фомушка Горбатенький, Васинька Маленький и Потаньюшко Хроменький.

Идёт на пир Потанюшка маленький,
Маленький Потанюшка, храбренький,
На ножку припадывat, с подлобья выглядыват.

Эга-то дружина Василия, шуточки пошучивавшая на Волховском мосту, составляла, очевидно, и те рати, которые ходили на немцев и шведов. И в летописях и в позднейших былинах состав дружины определял и характер повествования об её подвигах.

Из Волхова воды не выпити,
Во Новеграде людей не выбити!
Стоим мы, молодцы, не хвастаем...

Так оно исторически и было.

Совпадения в тематике и в освещении событий между новгородской летописью и народным творчеством последующих веков — знаменательны. Они показывают, что новгородская летопись являлась выразительницей настроений довольно широких слоёв населения Новгорода.

Основные черты новгородской литературы XIII—XIV вв. могут быть определены с достаточной ясностью. Демократизм языка, немногословие, трезвость, деловитость и простота изложения, интерес к быту родного города и вместе с тем к произведениям искусства объединяют разрознен-

ные, случайно сохранившиеся литературные произведения Новгорода XIII—XIV вв. Новгородский писатель не фантазирует и редко следует литературным трафаретам своего времени, предпочитая писать о том, чему сам был свидетелем или чему свидетелями были его «дети-новгородцы».

ГЛАВА IV

ЭПОХА РАСЦВЕТА НОВГОРОДСКОГО ИСКУССТВА (ПРЕДРЕНЕССАНС В НОВГОРОДЕ)

В конце XIV в. намечаются важные изменения в расстановке классовых сил в Новгороде. На политическую арену выдвигаются средние слои новгородского общества — житьи люди, совместно с купцами и чёрными людьми выступающие против боярства, тяготеющие к Москве и к твёрдой княжеской власти. Всё сильнее становятся классовые противоречия, всё чаще — городские восстания, всё уже круг боярских семей, стоящих во главе управления, и всё шире система подкупа «худых мужиков вечников».

Близким и неизбежным становилось падение новгородской независимости, неизбежным — и потому, что Новгород сам в себе растил семена разложения, и потому, что на востоке, в непосредственном соседстве с основными новгородскими колониями, вырастал прочный центр национального объединения — Москва.

Первым важнейшим общерусским событием, предопределившим собою падение новгородской независимости и присоединение Новгорода к Москве, была битва на Куликовом поле, в которой соединённые русские войска, руководимые московским великим князем Дмитрием Ивановичем, наголову разбили полчища Мамая. Победа на Куликовом поле показала, что Москва есть настоящее средоточие и сердце русской земли. Становилось ясным, что только вокруг Москвы может совершиться объединение русского народа.

Середина XIV в. отмечена для Новгорода общими для всей тогдашней Европы явлениями Предренессанса. Культурное возрождение, начавшееся в XIV в. и в Византии, и в Италии, и на Кавказе, захватило своими могучими токами Псков, Москву, Тверь и в особенности Новгород. На всём пространстве этой колоссальной территории мы

встречаемся с однородными явлениями, вызванными к жизни развитием демократической жизни в городах. Однако из всех русских городов предренессансное движение встречало наиболее благоприятную почву именно в Новгороде. Обширная мировая торговля Новгорода вызывала усиленный приток средств. Кроме того с первой половины XIV в. начались деятельные сношения Новгорода с Византией, имевшей исключительное значение в общем европейском движении Предренессанса. В XIV в. между Византией, подвластными её культурному влиянию южнославянскими странами и Русью устанавливается интенсивное общение. На Русь приезжают болгарские, сербские книжники (Григорий Цамблак, Киприан, Пахомий Серб), а сами русские, и в особенности новгородцы, образовывают целые колонии на Афоне и в Константинополе, занятые перепиской рукописей. Русские оказывают влияние на культуру южнославянских стран.

Насколько основательным было влияние русских книжников, живших на Афоне и в Константинополе, можно заключить хотя бы из того, что серб Константин Костенческий в своём сочинении о правописании называет русский язык «красивейшим и тончайшим» и сообразует с ним свои правила орфографии. Русский язык оказывает существенное влияние на болгарский литературный язык XIV в.

Предвозрождение резко изменило культурное лицо средневековья, принесло огромное тематическое обогащение искусству.

В XIV в. возникло первоначальное оправдание античности. Богословы XIV в. терпимее относились к античности, считая, что в античности были предсказаны все идеи христианства. Введённые таким образом в систему христианского богословия античные авторы (Платон, Вергилий, Апулей и др.) становились дозволенными и желанными. Греки прилежно изучают Гомера, Пиндара, Платона, Демосфена, пишут к ним схолии, исправляют тексты, переводят с латинского и т. д. Образованные греки разносят знакомство с античностью в Италии. Известно, что учителем Петрарки в греческом языке был знаменитый византийский монах Варлаам, создатель движения варлаамитов.

Отныне искусство становится более эмоциональным и психологическим. Само христианство, рассудочное, схоластическое в предшествующие века, стремившееся к созданию энциклопедического знания[1] и грандиозных бого-

[1] Ср. знаменитые энциклопедии XIII в. Винцента де Бовэ, Фомы Кантипратана, Варфоломея Английского и др.

словских построений, находит новую опору в узко личных психологических и мистических переживаниях индивида, становится более сентиментальным и эмоциональным.

Эти новые настроения поддерживают вновь образованные нищенствующие монашеские ордена доминиканцев и францисканцев, внесших в религию психологическую сентиментальную струю и усиленно культивировавших уединённое молитвенное самоуглубление. В Византии предвозрожденческие идеи с особенною силою сказались в движении исихастов.

Глава движения исихастов Григорий Палама трактует в своих сочинениях о душевных силах, о человеческих чувствах, внимательно анализирует внутреннюю жизнь человека.

Психологическая теория Паламы представляла собой ярко прогрессивное явление для XIV в. Он обращает внимание на роль внешних чувств в формировании личности. Палама учит, что чувственные образы происходят от тела. Эти чувственные образы являются отображением внешних предметов, их зеркальными отражениями. Содержание трактата Паламы «Олицетворение» составляет суд между душой и телом, заканчивающийся победой тела.

Выдвижение в эпоху Предвозрождения на первое место чувств, чувственного опыта, внутренней жизни человека и первые проблески индивидуализма имели колоссальное значение для всего европейского искусства и, в частности, для поразительного по силе изобразительного искусства Новгорода XIV в.

Те же веяния, которые ощущаются в Западной Европе в искусстве Чимабуэ, Джотто, Дуччио, а в Византии — в фресках Кахрие Джами и Мистры, — пронизывают собою и новгородские фрески XIV в., фрески Михайло-Сковородского монастыря (1355 г.) [1], Волотова (1363 г.) [2], Фёдора Стратилата (около 1370 г.), Спаса Преображения (1378 г.), Ковалёва (1380 г.) [3], церкви Рождества на кладбище (1382 г.) и др.

Поразительно, что многие черты общеевропейского Предвозрождения сказались в новгородской живописи с большею силою, чем где бы то ни было. Вместе с тем

---

[1] Михайло-Сковородский монастырь до основания снесён немцами в 1941—1943 гг.

[2] Церковь в Волотове полностью разрушена немцами.

[3] Церковь в Ковалёве разрушена немцами.

нигде в Европе живопись XIV в. не была представлена в таком обилии памятников и в такой превосходной сохранности.

Живопись этой поры обогатилась новыми темами, её сюжеты значительно усложнились, в них много повествовательности, события трактуются психологически, художники стремятся изобразить переживания действующих лиц, подчёркивают страдания, скорбь, тоску, страх или радость и экстатическое волнение. Священные сюжеты трактуются менее торжественно, интимнее, обыденнее. В трактовке человеческого образа сказалось живое наблюдение. Вместо изображения изолированных и неподвижных человеческих фигур с прямо устремлённым на зрителя взором, которые были так характерны для стенописи XI—XII вв. (напр., для фресок Нередицы), живопись XIV в. изображает человека в сложных композициях, в сильном движении. Человеческие фигуры обращены не к зрителю, а как бы вовлечены во внутреннюю, не зависящую от зрителя жизнь композиции. Художники заставляют человеческие тела изгибаться, обращают их друг к другу, разворачивают складки их одежды, как бы колеблемые сильным ветром. Широкие и плавные жесты, легко стремящиеся друг к другу несколько удлинённые фигуры, одежды в многочисленных и неспокойных складках характерны для новгородских фресок этой поры, сделавших значительные шаги к реализму. Значительно усилилась роль пейзажа, охваченного тем же бурным, всё пронизывающим движением. В орнамент этого времени проникают натуралистические детали, элементы наблюдения природы. Особенно часты в нём растительные мотивы: расцветающие почки, сильно изогнутые листья каких-то фантастических трав.

В трёх километрах от Новгорода, на берегу одного из рукавов Волхова — Волховца (или Жилотуга), находилась прославленная своими фресками церковь Успения на Волотовом поле. До разрушения её немцами она представляла собою одну из самых больших ценностей русского искусства. Волотовская церковь была построена в 1352 г. архиепископом Моисеем. Четыре столба поддерживали единственный купол. Единственная алтарная апсида не достигала верха здания. Покрыта церковь была посводно: каждый из фасадов завершался изящной трёхлопастной аркой, по которой и шла кровля. Сравнительно с грандиозными, торжественными и сложными по своей конструкции архитектурными сооружениями XI—XII вв.

Волотовская церковь была значительно проще, обыденнее, интимнее. Главная достопримечательность церкви заключалась в её прекрасно сохранившихся фресках, основная часть которых относилась к 1363 г.

Фрески Волотовской церкви были выдержаны в одной гамме, сочетающей глубокие серовато-синие тона с розовыми и зеленоватыми. Общая композиция фресок была схвачена единым движением, которое наполняло собою всю церковь. Человеческие фигуры, изображения скачущих всадников, молниевидные изломы скал казались размётанными ветром по стенам. Большинство сложных изображений имело диагональную композицию, подчёркивавшую движение и прямо противоположную застылости строгих вертикальных композиций XI—XII вв. Изображения исполнены мягко, эскизно, их контуры несколько растушёваны, художник стремился передать ощущение пространства, и фигуры производили впечатление реющих перед стеной призраков.

В композиции «Рождества» поразительно сильно выражено движение волхвов, мчащихся в развевающихся одеждах на белых конях на фоне динамического, напряжённого горного пейзажа. Всё движение этой композиции подчинено властному, указывающему вперёд движению руки женской фигуры, символизировавшей собою рождественскую звезду, показавшую волхвам путь в Вифлеем.

В композиции «Вознесения» апостолы в бурном движении как бы стремятся взлететь вслед за возносящимся Христом. Тем же порывом охвачены извивы пейзажа и складки раздуваемых ветром одежд апостолов.

Исключительной порывистостью отличается поза отпрянувшего от Марии Магдалины Христа в фреске «Воскресение».

В композиции «Воскрешение Лазаря» Мария распростёрта на земле и всем телом тянется к ногам Христа; Марфа порывисто устремляется от земли к Христу, требуя чуда. Повелительный жест Христа, воскрешающего Лазаря, исполнен силы. Вся композиция проникнута исключительным драматизмом.

Меняется и самый облик богоматери, из величественной «царицы небесной» становящейся девочкой с ещё детским лицом, остро выражающим человеческую скорбь о Христе (в композиции «Вознесения»).

По своему содержанию и по трактовке «священных» сюжетов росписи Волотова значительно отступали от цер-

ковной традиции. Отдельные детали композиций и целые сюжеты были в них заимствованы из народных легенд, проникнутых ненавистью к богатым и к господствующим классам. Одна из композиций изображает Христа в образе нищего с сумой и посохом, в рубище, босого, пришедшего в богатый монастырь к игумену во время пиршества и безжалостно прогнанного им. Жизненны и естественны полные движения позы пирующих, их одежды современны, возможно, даже следуют правилам тогдашней моды.

Не лишены, очевидно, портретного сходства изображения новгородских архиепископов Моисея и Алексея — современников волотовских росписей. Волотовский мастер, гениально расписавший стены этой небольшой церкви, стремился как бы приблизить религиозные сюжеты к современности, насытить их человеческим содержанием, передать психологические переживания, внести в них то религиозное вольнодумство, которое привело в XIV в. и в Новгороде и в Пскове к появлению ересей.

К 1360 г. относится построение церкви Фёдора Стратилата на Торговой стороне. Изначальное покрытие этой церкви, повидимому, четырёхфронтонное. Многолопастная арка, бегущая под карнизом, имеет здесь чисто декоративное значение. Чуть покатые стены по-старому делятся на три части четырьмя лопатками-пилястрами, имеющими, однако, больше декоративное, чем конструктивное значение. Окна сужены и слегка заострены кверху. Особенно нарядное впечатление производит барабан, в котором простыми и лаконичными приёмами удалось добиться впечатления роскошной, почти ковровой орнаментации.

Применённая здесь разделка барабана фризами из зигзагов и треугольных впадинок становится затем одним из излюбленных приёмов новгородской архитектуры.

Фрески Фёдора Стратилата мягче, лиричнее фресок Волотова. Их розово-сиреневатая, дымчатая гамма ещё прозрачнее волотовской. Движение ритмичнее. В более просторных помещениях храма ещё резче проявляется характер призрачности росписи. Вместе с тем в них ещё сильнее сказывается сентиментальный, эмоциональный дух христианства, особенно типичный для XIV в. В композиции «Сошествие во ад» Христос всепрощающим жестом привлекает к себе грешников. Он избавляет их от страданий в аду, и грешники со всех сторон устремляются к Христу, полные любви к своему спасителю.

В 1374 г. на Ильиной улице была поставлена церковь Спаса Преображения — наиболее нарядная из построек Новгорода XIV в. Освобождённая от позднейших пристроек и реставрированная в советское время, церковь Спаса является одной из самых больших достопримечательностей Новгорода. Летопись сохранила нам имена лиц, «трудившихся» над её украшением: это «боярин Василий Данилович, со уличаны Ильины улицы», художественному вкусу которых мы обязаны приглашением для её росписи Феофана Грека. Церковь Спаса была создана в том художественном соревновании, которое было характерным явлением новгородской жизни XIV в. Эта атмосфера искусства отразилась, в частности, и в новгородской летописи, обычно скупой и лаконичной, но точной в упоминаниях имён строителей церквей, в датировке их построения, переделок и настенных росписей. По своему типу и размерам Спас на Ильине во всём подобен построенной за 14 лет до него церкви Фёдора Стратилата. Однако по изяществу своих пропорций и насыщённости декоративными элементами Спас на Ильине превосходит своего предшественника. Церковь Спаса обильно разделана вкладными крестами, красивыми дорожками из треугольных впадинок, узорными поясами из полукруглых ниш и зубчиками. Вся эта декоративная разделка стен напоминает народную резьбу по дереву или кости. Узор, однако, не мельчится, умело рассчитан на различимость издалека, прост и не уменьшает впечатления от монументальности сооружения. Впечатление богатства и пестроты создаётся самыми скупыми, лаконичными средствами.

Росписи церкви Спаса Преображения выполнены замечательным мастером XIV в. Феофаном Греком, которому принадлежит не малая роль в интенсивном художественном движении Новгорода XIV в.

До прибытия в Россию Феофан «своею рукою» написал ряд церквей в Константинополе, Халкидоне, Галате и Каффе (ныне Феодосия в Крыму); из последней, очевидно, Феофан и был приглашён в Новгород. Летописи неоднократно упоминают работу Феофана. В 1378 г. он «подписывает» Спаса на Ильине в Новгороде, в 1395 г. вместе с Семёном Чёрным и своими учениками расписывает церковь Рождества с приделом Лазаря в Москве, в 1399 г. с учениками расписывает Архангельский собор в Кремле и, наконец, в 1405 г. вместе с Андреем Рублёвым и старцем Прохором расписывает московский Благовещенский

собор. Этим не исчерпывается объём работ Феофана. По словам Епифания Премудрого, оставившего нам восторженный панегирик Феофану, всего им было расписано до 40 каменных церквей.

Более 30 лет прожил Феофан в России, не только уча, но и учась. Как и многие из приезжавших впоследствии в Россию художников, Феофан подпал под мощное воздействие русской художественной традиции и, вместе с тем, как нельзя более во-время сумел привить ей много нового и жизненно необходимого. Епифаний Премудрый называет в своём письме Феофана Грека «изографом» и отмечает его дар сочинять и рисовать от себя без помощи образцов и «переводов». Характерная особенность искусства Феофана, как мы можем судить о нём на основании двух сохранившихся от него росписей в Новгороде (церковь Спаса на Ильине), состоит в необыкновенной уверенности его мазка, широте и твёрдости письма. Живописный опыт, умение рассчитывать расстояние, с которого будет обозреваться его работа, реалистическая трактовка голов и чутьё колориста отличают Феофана. Епифаний отмечает, что, когда Феофан работал, — он «ногама же без покоя стояше». В этом наблюдении Епифания мы узнаём характерную манеру художника-монументалиста, которому приходилось всё время отступать от своей работы, чтобы обозреть её со стороны. Фреска требовала умения быстро работать по ещё сырой штукатурке и заранее твёрдо держать в голове точный план всей росписи, так как изменять что-либо в письме было бы уже поздно.

Церковь Спаса Преображения расписана Феофаном Греком двумя-тремя близкими, интенсивными, тёплыми тонами (коричневатыми, красновато-жёлтыми). Его мазок энергичен, резок, короток, светотень выражена резко, контуры до предела обобщены. Внешнего движения в росписях Спаса Преображения меньше, чем в фресках Волотова и Фёдора Стратилата, но человеческие фигуры исполнены внутреннего напряжения, полны повышенного психологизма, динамики чувств. Психологические характеристики, данные им в изображении праотцев, пророков, столпников, — изумительны по силе. Фрески Феофана производят впечатление необычайно мощных, монументальных, письмо отличается «корпусностью» и вместе с тем какою-то особой трагичностью мировосприятия. Его знаменитая «Троица» сравнительно с нежной и человечной «Троицей» Андрея Рублёва производит впечатление видения «Страшного Суда» — такой карающей силы испол-

нены её грозные ангелы.

Резко иной характер имели ныне уничтоженные немцами фрески Ковалёва (1380 г.), которые обычно принято сопоставлять с одновременными им росписями сербских храмов. Рисунок их тяжелее, тона глуше.

Интересным дополнением к перечисленным фрескам являются фрески новгородской церкви Рождества на кладбище и раскрытые в 1937 г. фрески Сковородского монастыря, ныне уничтоженного немцами. Фрески церкви Рождества выражают стремление к более отчётливому письму, к многоцветности, к измельчанию рисунка. Теми же особенностями отличались и фрески Сковородского монастыря, выдержанные в синевато-фиолетовых, зеленоватых и жёлто-оранжевых тонах. Среди расчищенных фресок имелись сложные многофигурные композиции Вознесения, Воскрешения Лазаря и Входа в Иерусалим, выполненные не одним, а, повидимому, несколькими мастерами.

Влияние искусства фресок испытывают на себе и прославленные новгородские иконы XIV в., отличающиеся необычайной интенсивностью цвета, яркостью красок и, в известной мере, свободой композиции. Хотя необходимо отметить, что иконная живопись в гораздо большей степени, чем фресковая, находится во власти традиций живописи XII—XIII вв. вследствие сложности своей техники, требовавшей устойчивых приёмов работы.

Фрески Волотова, Михайло-Сковородского монастыря, Фёдора Стратилата, Спаса Преображения, Ковалёва, Рождества на кладбище свидетельствуют о необычайной интенсивности художественной жизни Новгорода, о наличии многих мастеров и существовании нескольких художественных школ. Вместе с тем совершенно очевидно, что те культурные явления, которые считаются типичными для европейского Предренессанса XIV в., были наличны и в Новгороде. Более того — именно в Новгороде предренессансная живопись XIV в. сохранялась в своих наиболее типичных и многочисленных образцах.

На этом общем фоне новгородской художественной жизни XIV в. примечательно исключительное внимание новгородской летописи ко всему, что касается искусства. Новгородские летописи почти без всяких исключений донесли до нас все решительно события, так или иначе связанные с произведениями архитектуры и монументальной живописи: —построение церквей, закладку сводов, пере-

делку кровли, куполов, росписи внутренние и внешние, построение палат, пожары церквей, побелку стен и т. д. Все эти мелкие, казалось бы, факты нашли отражение в новгородской летописи наряду с важнейшими событиями политической жизни Новгорода. Археологические исследования показали, насколько точными и полными являются в этой части сообщения новгородской летописи.

В своём интересе к произведениям искусства многочисленные описания новгородских путешествий XIV в. разительно схожи с новгородскими летописями.

Главное, что притягивало внимание новгородцев в Константинополе, было начавшееся при Палеологах возрождение византийского искусства. Константинополь издавна славился исключительным богатством памятников искусства. В начале XIII в. Константинополь был городом величественных храмов, монументальных общественных построек, грандиозных дворцов. Сюда были в разное время свезены произведения из Египта (обелиск около ипподрома), из Дельф (бронзовая змеиная колонна — одна из подставок грандиозного треножника, сооружённого в V в. до н. э. союзными греческими государствами в память победы при Платее), из Италии, Малой Азии и т. д. Всё это поддерживало в Константинополе ту атмосферу искусства, в которой жил этот город до завоевания его турками. Далеко не случайно, что новгородские паломники в Царьграде прежде всего описывают памятники искусства и делают это настолько тщательно, что описания эти представляют собой в настоящее время не малую помощь в археологическом исследовании Константинополя.

В отличие от предшествующих Хождений XI—XII вв. (напр., новгородца Антония) в XIV в. Хождения впервые приобретают характер путеводителей, в которые оказывается внесённым большинство из наиболее замечательных произведений монументального искусства Константинополя. Путешественники новгородцы отмечают прежде всего наиболее значительные здания, памятники, те или иные предметы искусства и религиозные достопримечательности.

К середине XIV столетия (1348—1349 гг.) относится хождение в Царьград Стефана Новгородца. Стефан пришёл в Константинополь не один, а с «дружы осемью». Кто были эти «дружы» — мы не знаем, так же как не знаем и цели, с которой приходил Стефан: был ли он торговым человеком или приходил по делам новгородской церкви. Приехал он, повидимому, на корабле, так как первое, что

привлекло его внимание в Константинополе, был издалека видный с моря колосс императора Юстиниана: «Ту стоить столп чюден вельми толстотою и высотою и красотою, из далече с моря видеть его, и на верх его седить Иустиниан Великы на коне велми чюден, аки жив, в доспехе сороцинском (арабском), грозно видети его, а в руце (в руке) — яблоко злато велико, а в яблоце крест, а правую руку от себе простер буйно на польдни (на юг) в Сороциньскую землю к Иерусалиму». Русские города не знали городских монументов и скульптуры, и поэтому Стефан прежде всего отмечает их многочисленность в Константинополе. Стефан с самого начала обращает внимание читателя на то, что отличает Царьград от русских городов, и тем самым вводит его в атмосферу иностранного города.

Наиболее подробно Стефаном была осмотрена центральная часть города, где было больше всего памятников искусства. Самый маршрут Стефана планомерен и продуман.

Стефан описывает знаменитые колонны Софийского храма, отмечает статую Христа в «Новой» базилике, колонну Константина Великого, описывает украшения и художественную утварь храмов. При этом он прежде всего всюду обращает внимание на то, что отсутствовало на его родине и что казалось для него самым необычным: скульптуру, колонны, портики и т. д.

Особенно любовно описывает Стефан мрамор. Этот великолепный строительный материал не мог не привлечь внимания настоящего новгородца, родной город которого издавна славился своим строительным искусством. Стефан отмечает твёрдость мрамора, так разительно отличавшегося от рыхлых новгородских известняков, и всюду описывает его цвет: красный, багряный, чёрный, с прожилками (дятлен) и т. д. «Мрамором бо зовется камен гладок и красен (красив) вельми». «Железо камени того не иметь» говорит он в другом месте. Стефан так описывает колонны новой базилики: «и ту стоят столпове от камени красного мрамора оковани чудно», или «от камени багряна, красны вельми, пропестри (т. е. с прожилками), аспиду подобни; видети в них человеку лица своего образ, аки в зерцало [1]; от великого Рима привезены суть».

---

[1] Описываемые Стефаном столпы действительно славились своею замечательною полировкою.

Поразила Стефана в Константинополе гавань с решётчатыми вратами, которыми «море введено внутрь города»... «и коли бываеть рать с моря, и ту держат корабли и катарги (галеры) до треюсот». Стефан описывает катарги — военные суда в 200 и 300 вёсел: «в тех судех по морю рать ходить; а оже будет ветр, а ини (иные) бежат и гонят, а корабль (галера) стоит — погодия ждеть». Гавань Константинополя — Золотой Рог — действительно одна из лучших, и восхищения Стефана — жителя портового города — Новгорода, — высоко оценившего её замечательные качества, не удивительны.

Знакомство Стефана с Константинополем почти не коснулось других его сторон. Он не описал ни быт города, ни его торговлю, ни управление, ни словом не обмолвился об его населении. Один только раз привлекают внимание Стефана местные обычаи — в описании монастыря Феодосии, куда каждую среду и пятницу стекались толпы больных для исцеления. Намёк на те условия, в которых протекал его осмотр города, можно видеть лишь в заключительных, обобщающих строках его хождения: «а в Царьград аки в дуброву (в дубраву) велику внити (войти): без добра вожа (т. е. без хорошего проводника) не возможно ходити».

Из Константинополя Стефан отправился в Иерусалим, но описание хождения Стефана в Иерусалим не сохранилось, возможно, его и не было вовсе. И то и другое — не случайно. Иерусалим мог заинтересовать новгородцев лишь своими религиозными достопримечательностями, но ни с точки зрения новгородской церковной политики, ни как средоточие произведений искусств Иерусалим не имел для новгородцев той притягательной силы, которою обладал Константинополь.

Хождение Стефана написано просто, сжато и носит деловой, строго фактичный характер. Немногие отступления, в которые Стефан отходит от фактичности изложения, отражают настроение восторга перед теми предметами искусства и религиозными реликвиями, которые ему пришлось видеть. Нигде Стефан не морализирует и не прибегает к дидактике, обычной в западноевропейских описаниях паломничеств (ср., напр., Мандевиля). Вразумительность и ясность логического смысла текста заботят его прежде всего. Благодаря этому Хождение Стефана, так же как и многие литературные произведения Новгорода, прежде всего поражает своей лаконичностью и отсутствием внешней украшенности.

Кроме Хождения Стефана Новгородца, к XIV столетию относятся ещё два новгородских произведения, посвящённые Константинополю, в которых характер путеводителя выражен ещё более ясно. Это — Сказание о Царьграде и Беседа о святынях Царьграда. Оба эти памятника составлены не очевидцами и восходят к какому-то не дошедшему до нас третьему описанию Константинополя.

Начинаются Беседа и Сказание с описания главной достопримечательности Константинополя — Софии. Паломника больше всего поражают отсутствовавшие у него на родине статуи, колонны, открытые галлереи. Так же как и Стефан Новгородец, паломник проникнут уважением к памятникам искусства, восторгается остатками эллинистического Константинополя. Он описывает императорский дворец Константина, знаменитый ипподром—«игрище» и всюду со скорбью отмечает следы запустения и обнищания. Паломник восхищается «мовницей» (баней) императора Константина и особенно водопроводом, когда-то к ней проложенным: «и вода возведена была там и корыта аспидна, желобы были аспидные; да уже все потеряно» (т. е. разрушено). Паломник всюду описывает следы разрушений, причинённых памятникам искусства крестоносцами, варварски уничтожавшими и грабившими Константинополь в 1204 г.: «над морем высоко вельми поставлен столп камен, а на том столпе 4 столпьци каменых, из тых столпцех положен камен, а в том камени вырезаны псы крылаты и орли крылаты камены и бараны каменыи; бараном роги збиты, да и столпы обиты; то ж били фрязове (т. е. крестоносцы), коли владели Царимградом, и иных узорочей много потеряли (т. е. уничтожили)». Чувство запустения и гибели произведений искусства, которое могло быть свойственно только настоящему их ценителю, сопровождает паломника на всём его пути.

Характерные особенности русских описаний Константинополя половины XIV в. лучше всего вскрываются при сравнении с одновременными им западноевропейскими путешествиями. Так, например, компилятивное путешествие Мандевиля, пользовавшееся огромным успехом в течение всего средневековья, в главе, посвящённой Константинополю, занято главным образом религиозными легендами с нравоучительным и назидательным смыслом. В описании самого города очень мало фактического материала и много неточностей.

Под 1347 г. новгородская летопись включила в свой состав послание архиепископа новгородского Василия к

епископу тверскому Фёдору о земном рае. Непосредственной темой послания послужил спор о том, существует ли на земле рай, в котором жили Адам и Ева, или материальный рай погиб, и есть только мысленный, т. е. идеальный, неземной.

Спор этот, довольно типичный для средневековья, касался одной из основ религиозного мировоззрения той эпохи и по существу был близок к известному западноевропейскому средневековому спору номиналистов и реалистов. «Еретики» несториане и яковиты, сторонники прямого и непосредственного понимания библейской истории как реально существовавшей, верили в материальный рай на земле, доступ в который крайне затруднён для людей, но возможен.

В этом споре глава новгородской церкви Василий становится на одну точку зрения с «еретиками» несторианами и яковитами, утверждает, что рай Адама и Евы существует, и отказывается понимать его как «мысленный».

В своём послании Василий приводит свидетельства о том, что рай до сих пор ещё существует на Востоке. В своей аргументации Василий не прибегает к богословским доказательствам, ссылаясь лишь на непосредственные указания Писания и очевидцев.

Наибольший интерес имеют в послании ссылки на свидетельства моряков-новгородцев. В обширном торговом городе — Новгороде, очевидно, много ходило всяких рассказов о дальних странах. В Повести временных лет и в Ипатьевской летописи есть несколько описаний дальних полночных (т. е. северных) земель, где небо сходится с землёю, описаний Югры, переданных летописцами-новгородцами: Гюрятой Рóговичем и др.

Василий ссылается на свидетельства новгородцев, которые видели в своих путешествиях не только ад на Западе, но и рай на Востоке. «Видоками» тех мест были новгородцы Мстислав и Яков. Ещё «нынча,— пишет Василий,— дети внучата» тех новгородцев «добри-здорови». Путешествие этих видоков Мстислава и Якова описано с чертами реальности. Новгородцы плыли на трёх юмах, одна из них погибла, две другие «долго носило море ветром» и принесло к высоким горам. Новгородцев поразил «многочастный» и «самосиянный» свет «светлуяся паче солнца». «А на горах тех ликования многа слышахуть, и веселия гласы вещающа». Новгородцы послали одного из своих спутников посмотреть, что за горой. Посланный всплеснул руками, засмеялся и побежал на звуки ликования. Новго-

родцы удивились и послали другого, но и тот «тако же створи, нимало возвратися к своим, но с великою радостию побеже от них». Новгородцы испугались и послали третьего, привязав его «ужищем» (верёвкой) за ногу. Третий также бросился было бежать, всплеснув руками, «в радости забыв ужища на нозе своей». Новгородцы сдёрнули его за веревку с горы «и в том часе обретеся мертв». Испуганные новгородцы «побегоша вспять», не видав ни неизреченной светлости райской, ни ликования, ни веселия.

Интересные западноевропейские параллели к рассказу Василия приведены А. Н. Веселовским. Однако одна деталь делает рассказ Василия о моряках, нашедших рай, типично новгородским. Горы, стеной отделяющие рай со стороны моря, несут на себе грандиозную живописную композицию, написанную «лазорем чудным». Лазорь — синяя, привозная, очень дорогая краска, к которой новгородцы чувствовали в XIV в. особенное пристрастие.

Вкус новгородцев к монументальной живописи, в которой они были так сильны в XIV в., сказался здесь в полной мере. Фантазия новгородцев клонилась к тому, чтобы горы украсить фресками, написав их драгоценнейшим лазорем, которого в действительности едва хватало на миниатюры.

Гора среди моря, исписанная грандиозным изображением деисуса, — так выглядела в представлении новгородцев ограда рая.

Таким образом, эпоха расцвета новгородской живописи отмечена в литературе Новгорода усиленным вниманием к искусству, к живописи и к архитектуре. Атмосфера искусства наполняет собою все явления культурной жизни Новгорода второй половины XIV в.

ГЛАВА V

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА НОВГОРОДСКОГО БОЯРСТВА С МОСКВОЙ

Рыцарь Гильбер де Ланнуа, побывавший в Новгороде в 1413 г., писал о нём: «Великий Новгород удивительно большой город; он расположен на большой равнине, окружённой большими лесами, и находится в низкой местности среди вод и болот. Посреди упомянутого города течёт большая река по имени Волхов. Город обнесён плохими стенами, сделанными из плетня и земли, тогда как башни каменны. Этот город независим и имеет общинное правление. Здесь есть епископ, который представляет как бы их начальника.

И содержат они, равно как и все прочие русские в Руси, которая очень велика, христианскую религию по своему обряду, такому же, как и у греков. Они имеют замок, расположенный на берегу упомянутой реки, и в нём соборная церковь св. Софии, которую они почитают, и там живёт их упомянутый епископ. Внутри упомянутого города живёт много больших синьоров, которых они называют боярами, и там есть такие горожане, которые владеют землёй в 200 льё длины, богаты и могущественны удивительно. И не имеют русские великой Руси других властителей, кроме этих бояр, выбираемых по очереди, как хочет община. Монета их состоит из кусков серебра, весящих около 6 унций — без оттиска, потому, что вовсе не куют золотой монеты, а мелкая их монета состоит из мордок, белок и кун. Они имеют двух начальников: тысяцкого и посадника, которые и управляют сказанным городом. Эти правители возобновляются из года в год. И там я был у упомянутых епископа и синьоров. Женщины носят волосы, заплетённые в 2 косы, висящие сзади на спине, а мужчины—носят одну косу. Я был девять дней в этом городе, и упомянутый епископ присылал мне каждый день более 30 человек с хлебом, мясом, рыбой, буковыми орехами, пореем, пивом и мёдом, а вышеупомянутые тысяцкие и посадники дали мне обед—самый странный и самый удивительный из всех, виденных мною когда-либо. В ту зиму было так холодно, что занимательно было бы рассказать о стужах, которые там были...

Все синьоры Новгорода Великого владеют 40.000 конницы и бесчисленною пехотою. Они часто воюют с соседями и особенно с рыцарями Лифляндии и выиграли много больших сражений» [1].

Как бы ни было велико внешнее могущество и богатство Новгорода в начале XV в., реальный рост его опережала Москва, чья роль объединительницы Руси отчётливо определилась уже к XV в.

Объединительная политика Москвы встретила чрезвычайно сильное сопротивление новгородского боярства, опасавшегося потерять свои обширные земельные владения, и крупного новгородского купечества, боявшегося конкуренции Москвы в торговле с Западом. Новгородское ушкуйничество нарушало московскую торговлю на севере и

---

[1] «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова». Подготовил к печати Г. Е. Кочин. Л. 1935, стр. 69.

северо-востоке; неспокойная новгородская политика грозила постоянными неожиданностями. Однако в самом Новгороде, как и в других русских областях, увеличивалось «в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья» [1].

Демократические низы Новгорода явно тяготели к Москве, к сильной великокняжеской власти, в которой надеялись найти опору против боярства.

Конец XIV в. характеризуется крайним обострением борьбы Москвы и Новгорода. Эта борьба стала особенно напряжённой в 90-х годах XIV в., в связи с отказом новгородцев выезжать на суд к московскому митрополиту. Новгородское боярство посылало послов с жалобами в Константинополь, угрожало Москве переходом в латинство (католичество), клялось на вече не судиться у московского митрополита. Только после того, как войска великого князя Василия Дмитриевича захватили Торжок и начали опустошать новгородские волости, новгородцы изъявили покорность.

Образование в первой половине XV в. двух враждебных митрополий—Московской и Киевской—позволило новгородскому боярству вести двойную политику и постоянно добиваться от Москвы уступок угрозами подчиниться киевскому митрополиту. С этой поры церковный вопрос в Новгороде приобрёл первостепенное политическое значение. Пользуясь смутой в церковных делах, архиепископ Евфимий II получил «поставление» в Смоленске у киевского митрополита Герасима, и это дало Новгороду независимость от московской церкви. В Новгороде приобрели значительную силу антимосковские настроения. Показателем новгородской политики служит то, что в Новгороде нашли убежище противники московского великого князя—Дмитрий Шемяка и Василий Гребёнка.

Архиепископ Евфимий II активно способствовал западному влиянию и оказывал покровительство иноземцам. «От

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 443.

странных же (т. е. иностранных) или чуждых стран приходящих всех любовию приимаше, всех упокоиваше, всех по достоинству миловаше»,—говорит о его любви к иноземцам писатель XV в. Пахомий Серб.

Лихорадочная и неспокойная строительная деятельность Евфимия II ярко отражает поиски идейного обоснования антимосковских позиций новгородского боярства. Евфимий II обстраивает новыми зданиями архиепископский двор Детинца, строит на Софийской и на Торговой стороне Новгорода, строит в Старой Руссе, в Вяжищах, в Хутыне и т. д. Эпохе Евфимия принадлежат здания светского характера, промышленного назначения, церкви и правительственные палаты. Под 1433 г. летопись рассказывает, что «в Великом Новгороде владыка Евфимий поставил на дворе у себя палату каменну, а дверей в ней тридцать, а мастера ставили новгородские и немецкие из-за моря». Очевидно, что антимосковские устремления боярской литовской партии были настолько сильны, что привели даже к привлечению заморских строителей. Воздвигнутая в 1433 г. Евфимием Грановитая палата (в ней заседал затем Совет господ) представляет собой готическое по своей внутренней разделке здание, крестовые своды которого опираются на центральный столп. Многочисленные грани этих сводов разделены жгутами (нервюрами), типичными для западноевропейской архитектуры.

Через несколько лет после единостолпной Грановитой палаты Евфимий привлёк иноземных мастеров ставить «комнатку малу», а затем (в 1443 г.) построил своеобразную ратушевую башню, так называемую Евфимиевскую часозвоню, на которой впоследствии были поставлены часы, оглашавшие боем весь город. Часозвоня Евфимия—одна из первых построек типа колоколен. Несмотря на общую западную идею ратушевой башни, она сохраняет излюбленные новгородские архитектурные приёмы, в частности типично новгородские обширные глади стен.

Особое место в строительной деятельности Евфимия II занимало массовое возрождение новгородских архитектурных форм XII в. В 1454 г. Евфимий реставрировал церковь Ивана на Опоках первоначальной постройки 1127—1130 гг. В 1455 г. он построил «на старой основе» церковь Ильи на Славне, первоначальное здание которой относилось к 1198—1202 гг. Церкви этой строители Евфимия придали нарочито архаические формы. Так, например, в эпоху Ев-

фимия II новгородские церкви имели снаружи один алтарный выступ, в XII же в. их строили три: церковь же Ильи на Славне строители Евфимия восстановили даже с пятью выступами, отличающимися необычайной толщиной и мощностью. В 1442 г. «на старой основе» 1198 г. Евфимий воздвиг Преображенский собор в Старой Руссе. На старой же основе XII в. восстанавливались церкви Бориса и Глеба (в 1445 г.), Жён-мироносиц (в 1445 г.), Богородицы на Торгу (в 1458 г.) и др.[1]. Евфимий II возродил строительные приёмы монументальной архитектуры XII в., напоминавшие своими выразительными и внушительными формами о былом величии Новгорода. Разнообразной строительной деятельностью Евфимия II восхищался Пахомий Серб, в восторженных выражениях описавший выстроенные Евфимием II храмы Детинца, которые «яко звезды или горы» стоят вокруг Софии.

Массовое восстановление Евфимием II старых церквей XII в. связано с одновременным установлением культа «преждеотшедших» (т. е. умерших) новгородских архиепископов, с огромным развитием летописного дела, отразившим повышенный интерес к истории Новгорода, созданием цикла литературных произведений вокруг новгородского архиепископа Иоанна, при котором в 1170 г. новгородцы отбили от стен Новгорода войска северо-восточных княжеств. Вся эта деятельность Евфимия II и боярской партии Новгорода имела в виду идеологическую борьбу с Москвой, объяснялась намерением найти идейную почву для своих антимосковских устремлений в старине Новгорода, противопоставить общерусским объединительным тенденциям Москвы местный патриотизм.

Такая узость идейных позиций новгородского боярства не могла не вызвать некоторого упадка искусства. Архитектурные сооружения эпохи Евфимия значительно уступают по стройности и законченности форм новгородским постройкам XIV в. Постепенно падает и искусство фресковой живописи. В XV в. на стенные росписи начинает усиленно влиять иконное письмо. Влияние это было роковым для искусства фрески.

Фрески XV в. (фрагменты росписей церкви Сергия в новгородском Детинце, фрески Зверина монастыря и Гостинополья) стремятся подражать иконе в густоте колорита, мельчат композицию; в них часты поясные изображе-

---

[1] См. подробнее Ю. Н. Дмитриев, К истории новгородской архитектуры. «Новгородский исторический сборник», вып. 2, Л. 1937.

ния, застывшие, малоподвижные фигуры. Пропадает характерное для фресок XIV в. умение рассчитывать расстояние, с которого будет обозреваться изображение, умение согласовывать росписи с архитектурными формами. Искусство фрески клонится к явному упадку. На прежнем уровне находилось лишь блестящее мастерство новгородских иконников, значительно больше зависевшее от частной инициативы и в котором меньше сказывались политические установки боярской партии.

Около 1432 г. при Евфимии II в Новгороде был составлен новый летописный свод «Софийского Временника» (так называлась летопись, ведшаяся при дворе архиепископа), который должен был дать новую историческую концепцию, поставив в центр русской истории историю Новгорода. Однако вскоре после составления этого свода стал ясен его основной недостаток, не позволявший ему конкурировать с обширными московскими летописными сводами начала XV в. В то время как московское летописание было в подлинном смысле этого слова общерусским, объединяло в своём составе известия самых разнообразных областей и освещало историю всего русского народа в целом, новгородский свод 1432 г. по составу своих известий оставался узко местным. Поэтому при том же Евфимии II в 1448 г. в Новгороде было предпринято составление нового летописного свода. Различные переработки этого свода явились лучшими и наиболее полными русскими летописями, которыми и поныне пользуются историки при изучении русской истории XIII—первой половины XV в.

Свод 1448 г. был первым новгородским сводом с ярко выраженным общерусским характером. Это далеко уже не узкая, местная летопись, редко выходящая за пределы родного города. Свод 1448 г. описывает судьбы русского народа в целом, хотя преимущество попрежнему отдаёт Новгороду и в нём видит, очевидно, центр событий русской истории. Замечательно, что свой общерусский характер свод 1448 г. получает в результате заимствования основной массы записей из московских летописей. Стремясь создать свою историческую и политическую концепцию, противостоящую московской, Новгород всё же опирался на Москву и её книжность. Характерно также, что в противоположность московским летописцам конца XIV—начала XV в., нередко оценивавшим события с точки зрения демократических слоёв населения, составитель свода 1448 г.

во многих случаях проявил себя как представитель интересов боярской партии—владычного двора. Он с осуждением отнёсся к чёрному люду—к «голодникам», «ябедникам» и к городским волнениям.

Описывая народные волнения или неурядицы новгородской жизни, вызванные плохим судом и «неправым поклёпом», летопись оглядывается на «суседей», скорбит за своих сограждан, воспринимает усобицы как провинность всего новгородского населения и нередко противопоставляет современность старине.

Сознание трагичности современного летописцу положения его родного города достигло в своде 1448 г. крайней обострённости, переходя иногда в пессимизм и апатию. В летописи усиливается церковный элемент, большое место приобретает нравоучение. Язык летописи становится более церковным и украшенным; в нём попадаются такие сложные словообразования, как «пламеновиден», «громогласный», «самоизволен», «тученосный», или такие сочетания, как: «древеса плодовита», «скорбь пожарная», «облаци дождевные» и др. В летописи попадаются и шведские и немецкие термины (местер, кумендер, шнека), итальянские строительные термины («комната» от caminata), западные церковные термины (легатос, каплан).

Не всегда, правда, новгородский свод 1448 г. пользовался подобным сложным языком для описания городских событий и явлений природы: не редки случаи, когда в новгородской летописи попрежнему присутствует лапидарный и энергичный стиль XII—XIII вв., скупые и деловитые записи, простой разговорный язык, близкий к языку грамот и «Русской Правды».

Установлением летописного свода 1448 г. новгородское летописание половины XV в. не ограничилось. Всего на протяжении 20 лет правления Евфимия II были составлены один за другим три грандиозных летописных свода и около десятка мелких. Составители их проделали огромную работу в поисках различных летописных списков для восполнения недостающих сведений по русской истории.

Со времени составления «Повести временных лет» в Киеве в начале XII в. работа русской исторической мысли никогда ещё не была так интенсивна, как в Новгороде в середине XV в. Летописные своды с чрезвычайной последовательностью создавались один за другим, но самостоятельной, стройной новгородской исторической концепции, подобно той, которая была создана в XV в. в Москве, не получилось. Содержание новгородских лето-

писей осталось таким же противоречивым, как противоречива была и сама новгородская жизнь.

В своих попытках возбудить местный новгородский патриотизм, противопоставив его Москве, Евфимий II не ограничился только заботой о летописании. В 1436 г. в церкви Усекновения главы в новгородском Детинце упавший сверху камень пробил «велию скважину», в которой обнаружилось нетленное тело неизвестного святого. Оповестили Евфимия. Евфимий, убедившись в нетленности мощей, начал молить бога: «да явит имя, кто есть». В ту же ночь «явился» Евфимию архиепископ Иоанн, «открылся», что мощи принадлежат ему, и «велел» праздновать себя каждое 4 октября. Открытие мощей Иоанна было глубоко продуманным политическим ходом Евфимия. Иоанн (1163—1186 гг.) — первый официальный новгородский архиепископ; он был известен в Новгороде как владыка, при котором в 1169 г. произошло «чудесное» спасение города от подступивших к нему войск северо-восточных княжеств. Наследницей этих северо-восточных княжеств теперь, в XV в., была Москва. Это позволяло новгородской боярской партии видеть в Иоанне своего рода «защитника» независимости Новгорода от Москвы.

Само собой разумеется, что открытые так «кстати» упавшим камнем мощи Иоанна были торжественно водворены в Софийском соборе, и почитание этого новоявленного святого приобрело формы почти политической антимосковской демонстрации. Вокруг архиепископа Иоанна и чуда спасения Новгорода от войск суздальцев создаётся цикл легенд: своего рода культ новгородской независимости.

Основание культа новгородских святых и возвеличивание новгородского прошлого несколько позднее обставлено было и другой легендой. Под 1439 г. летопись сохранила сказание понамаря Аарона. В одну из ночей понамарь Аарон увидел, как в церковь Софии «прежними дверми» (очевидно, теми, которыми перестали пользоваться) вошли все «преждеотшедшие» новгородские архиепископы, молились в алтаре и перед иконою Корсунской божьей матери. Понамарь рассказал о своём видении Евфимию, и тот «бысть радостен о таковом явлении», велел служить панихиду по всем новгородским архиепископам, а затем установил и более регулярное чествование своих предшественников.

Выходило так, что не Евфимий II насаждал почитание

новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое как бы напоминало о себе, стучалось в плотно запертые двери новгородской независимости. «Преждеотшедшие» архиепископы молились за Новгород, «объявляли» свои мощи и т. д.

Из цикла сказаний, связанных с архиепископом Иоанном, особенный литературный интерес имеет легенда о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим. В сказании много бытовых, натуралистических подробностей, ярко рисующих жизнь и атмосферу Новгорода. Особенно характерен в этом отношении первый из эпизодов повести.

Стоя на молитве в своей «ложнице», Иоанн услышал, что в умывальнике, стоявшем неподалёку, кто-то плещется в воде («бороброща в воде»). Догадавшись, что это бес, Иоанн запер его в нём силою молитвы. Пойманный бес начал «вопети»: «о люте нужде сея! се бо палим есмь огнем: не могу терпети; скоро испусти, святче божий!». Происходит любопытный диалог между пойманным бесом и Иоанном. Иоанн требует, чтобы бес, обернувшись конём, за одну ночь свёз его в Иерусалим. Бес обещает, исходит тьмою из сосуда и, обернувшись конём, становится перед кельей святого.

В Иерусалиме Иоанн посещает храм гроба господня. Перед ним сами собой отворяются двери, зажигаются свечи и паникадила. Вернув Иоанна в Новгород, бес просит его никому не рассказывать о происшедшем. Иоанн, однако, не выдержал и однажды «в духовной беседе» похвастался, что он знает человека, который за одну ночь успел побывать из Новгорода в Иерусалиме. С этого момента бес начал наводить на Иоанна «искушение». Горожане неоднократно видели выходящую из кельи святого «жену блудницу», в самой келье находили женскую одежду, сандалии, монисто; всё это показывал «мечтуя» бес. Народ решил изгнать владыку «яко блудника». Когда толпа собралась у кельи Иоанна, бес выбежал из неё «во образи отроковици». Её пытались догнать, но безуспешно. Разгневанная беспутством Иоанна толпа вывела его к Волхову, посадила на плот и пустила вниз по течению. Однако плот, никем не подталкиваемый, поплыл внезапно вверх по Волхову «противу великие быстрины». Поражённый ужасом и раскаянием народ шёл по берегу за Иоанном и умолял его о прощении. Даже виновник всего — бес «посрамися» и «возрыдася». Святой, стоя на плоту, молился о прощении обидевших его. Не доплыв

немного до Юрьева монастыря, плот остановился, Иоанн вышел и был встречен крестным ходом монахов.

Легенда соткана из целого ряда ходячих мотивов, известных из западных житий, народных сказок и патериков. Таковы, например, распространённые мотивы о бесе или бесах, которых святой заставляет на себя работать (напр., при построении монастыря), мотив плавания против течения (против течения плывут обычно мощи святых, иконы), мотив прибытия святого в монастырь по воде (напр., в житии Антония Римлянина, см. ниже), мотив оборачивающегося животным, женщиной беса (обычно при искушениях), мотив самоотворяющихся дверей и самозажигающихся свечей при проявлении святого в церкви, мотив путешествия на бесе (в сказках, откуда он перекочевал, между прочим, и в «Ночь перед Рождеством» Гоголя) и т. д.

Центральная легенда цикла, связанного с архиепископом Иоанном, — легенда о чудесном спасении Новгорода во время осады суздальцев. Наибольшую популярность эта легенда получила в переделках югославянского ритора Пахомия Серба, которого Евфимий пригласил между 1429 и 1438 гг. в Новгород для своих многочисленных литературных начинаний и для создания церковного почитания новых новгородских святых.

Составленное по заказу Евфимия Сказание о чуде спасения Новгорода в 1169 г. от войск суздальцев героизирует борьбу Новгорода за свою независимость.

ГЛАВА VI

СТОРОННИКИ ВОССОЕДИНЕНИЯ С МОСКВОЙ В НОВГОРОДЕ

В 1456 г. Василий Тёмный разбил ополчение Новгорода, поддерживавшего Дмитрия Шемяку в последние годы его борьбы с Москвой. Яжелбицкий мир, заключённый между Новгородом и Москвой, ставил Новгород в политическую зависимость от Москвы. Самостоятельность Новгорода была ограничена, и он обязан был выплатить Василию Тёмному огромную контрибуцию, что на время привело к сокращению строительства в Новгороде.

К концу 50-х гг. XV в. перевес Москвы настолько определился, что представителям боярской партии в Новгороде приходилось думать уже не столько об открытой борьбе, сколько о политике отсрочки по существу неиз-

бежного конца новгородской независимости. Растёт и сочувствие демократических слоёв населения Новгорода Москве. Роль заступника и постоянного ходатая за Новгород перед московским великим князем принадлежит избранному после смерти Евфимия II архиепископу Ионе, искусно ведшему свою политику между крайностями боярской партии и энергичным натиском Москвы.

Иона ознаменовал своё архиепископство целым рядом предприятий, клонившихся к закреплению мирных отношений с Москвою. Характерно, что, по позднейшей легенде, Ионе было в детстве предсказано архиепископство открытым сторонником московского великого князя Михаилом Клопским. В житии Ионы отмечено, что «московистии князи много любяхуть его». Иона установил в Новгороде культ московского святого — Сергия Радонежского, построил ему церковь (1463 г.), ездил в Москву, где слёзно заступался за новгородцев перед великим князем.

При Ионе вторично приезжает в Новгород Пахомий Серб. Иона, как и Евфимий II, заказывает Пахомию различные церковные службы, но при этом, наряду со службами новгородским святым, заботится и о службах святым, имевшим общерусское значение. Из работ Пахомия этого периода сохранились службы Евфимию II (Великому), Антонию Печерскому, Савве Вишерскому. Особенный интерес имеет заказанное Ионой Пахомию «Сказание о чуде преподобного Варлаама Хутынского 1460 года».

«Чудо» это, случившееся в первый же год архиепископства Ионы, весьма симптоматично. Оно — яркое следствие поворота новгородской политики. Во время приезда в Новгород московского великого князя Василия Васильевича умер его постельничий Григорий Тумган. Привезённый ко гробу Варлаама постельничий якобы «воскрес». Так же как и открытие мощей архиепископа Иоанна при Евфимии II, воскрешение постельничего московского великого князя у гроба новгородского святого не было случайным: новое чудо знаменовало собою перелом в новгородской политике, стояло в связи с поворотом в новгородской дипломатии, пытавшейся расположить к Новгороду великого князя Московского. Заказывая описание этого чуда Пахомию Сербу, Иона имел в виду внушить московскому великому князю уважение к новгородским святыням, примирить его с Новгородом. Предназначенное для такой цели сказание написано в духе московских

взглядов. Оно именует Василия Васильевича «благочестивым и благоверным, великим князем володимирским и московским и новгородским и всея Руси», а Новгород — «вотчиной» московского князя. Впоследствии, при Феофиле, когда отношения Новгорода с Москвою вновь обострились, послушный исполнитель воли своих заказчиков Пахомий Серб переделал своё произведение согласно с требованиями момента: пышное титулование московского великого князя было заменено более простым: «благочестивый великий князь», а место, в котором говорилось о Новгороде как о вотчине великого князя, опущено.

К эпохе Ионы и усиления московских тенденций в Новгороде относится житие яркого представителя московской демократической партии в Новгороде — Михаила Клопского. Житие это — единственное произведение, возникшее в среде сторонников Москвы. Москвич по происхождению, свойственник московских великих князей, Михаил избрал местом своего монашеского пребывания небогатый новгородский Клопский монастырь, игумена которого Феодосия низы новгородского населения одно время избрали в архиепископы. Житие обильно рассказами о враждебном отношении монастыря к посадникам, к укрывавшемуся в Новгороде неудачному конкуренту московского великого князя — Дмитрию Шемяке и, вместе с тем, это житие, в отличие от велеречивых и витийственных произведений Пахомия, выполнявшего заказы боярской партии, носит демократический, просторечный характер со следами влияния фольклора. Ни имени автора, ни имени заказчика (если он только был) этого популярного жития не сохранилось.

Житие Михаила Клопского неоднократно подвергалось переработкам и дополнениям. Различные редакции жития отчётливо свидетельствуют о чрезвычайно изменчивых литературных вкусах и разнообразии политических партий новгородцев XV—XVI вв. Наиболее интересна первая редакция жития, возникшая, очевидно, сравнительно скоро после смерти Михаила Клопского, в 1460-х гг., в среде сторонников Москвы.

Житие это имеет мало общего с церковной житийной литературой. Оригинальна сама форма этого жития, представляющего собой соединение нескольких эпизодов-«чудес», но без традиционного в церковных житиях описания детства святого и без традиционной заключительной похвалы святому. Эти «чудеса»-эпизоды представляют собою самостоятельные занимательные рассказы, леген-

дарно-сказочного, а порою и жизненно-реального характера, заставляющего предполагать, что они сложились первоначально в устной сказочной традиции и лишь затем были обработаны в форме книжного повествования.

Целый ряд эпизодов жития хорошо передаёт атмосферу монастырского быта XV в. Таков, например, первый эпизод жития, рассказывающий о таинственном приходе в монастырь старца Михаила. Появление его происходит в ночь на Ивана Купала — 23 июня. Старца принимают за «беса». Очевидно, остатки язычества, вера в Иванов день были сильны в XV в. даже в монастырях. Незнакомца заметил в своей келье поп Макарий. Незнакомец сидел на стуле, перед ним горела свеча, он переписывал деяния апостола Павла. Поп «уполошився», вернулся в церковь, которую только что перед тем «покадив» покинул, и рассказал о незнакомце братии и игумену. Игумен взял крест и кадило и отправился с чернецами в келью. «Сенцы» оказались запертыми. Посмотрели в окно в келью: незнакомый старец «сидит и пишет». Игумен сотворил молитву. Старец слово в слово повторил молитву. Игумен ещё трижды сотворил молитву. Увидев, что молитва не смущает старца, игумен прямо спросил его: «кто еси ты: человек или бес; что тебе имя?». Но старец и на этот раз ответил ему «те ж речи»: «человек ли еси или бес; что тебе имя?». Игумен спросил его второй раз и третий, «а он против те же речи отвещает. И повеле Феодосий игумен у сенець верх содрать, а у кельи двери выломить». Затем игумен «почал по кельи темьяна кадити, да и старца кадить учял, и он (т. е. старец) от темьяна закрывается, а крестом знаменается». Окадив старца, игумен ещё раз спросил его: «как к нам пришел, откуда еси, что еси за человек, что ти имя твое?». Старец же продолжал вторить, как эхо: «как еси к нам пришол, откуду еси, что твое имя». Тут «молвил», наконец, игумен чернецам «таково слово»: «не бойтеся старци — бог нам послал сего старца». Позвонили обедню, начали обедню петь, и старец «всё обеденное петьё пел» до конца и читал апостола. Старца пригласили на трапезу «хлеба ясти», а затем игумен отвёл его в келью: «буди у нас, старче, живи с нами».

В этой живой сцене довольно много черт монастырских нравов и реальных положений: «уполошившийся» поп, испуганные чернецы, принявшие в ночь накануне Ивана Купала позднего гостя за «беса», игумен, кадящий на старца темьяном, читающий над ним молитвы и тщетно спрашивающий его об имени.

Реальный, очевидно, в своей основе приход в Клопский монастырь Михаила, не хотевшего первоначально раскрывать своего происхождения, дополняет рядом чисто сказочных подробностей о том, как старец Михаил уклонялся от вопросов игумена, отвечая на них «тем же вопрошанием», т. е. повторял обращённые к нему вопросы и предлагал на них ответить самому вопрошающему. Повторение вопросов игумена вносит в этот первый из рассказов «чудес» известную ритмичность композиции, напоминающую эпические повторения былинного и сказочного характера.

Черты реальности живо переданы и в другом эпизоде жития: о раздоре монастыря с посадником Григорием Кирилловичем. Посадник Григорий явился однажды в монастырь к обедне и, удержав игумена, когда тот, отпев обедню, собирался уходить из церкви, заявил ему «таково слово»: «не пускай ни коней, ни коров на жары (поля под паром), то земля моя, ни по реки по Веряжи, ни по болотам, ни под двором моим не ловити. А почнете ловити и аз (я) ловцам вашим велю ноги и руки перебити». Вмешался Михаил и сказал посаднику: «будеши без рук и без ног, мало в воде не утонеши». Когда ловцы волокли тоню, посадник «пошел к ним к реки, да и в реку за ними сугнав, да ударил рукою, да хотел другой ряд — так мимо ударил да пал в воду, мало не утонул». Посадника вытащили из воды с парализованными руками и ногами.

Отдельные эпизоды-«чудеса» объединены между собою только личностью Михаила Клопского. Характер его раскрывается в эпизодах довольно цельно. Он строг, не боится посадников и князей, говорит правду в лицо, резок, практичен и по-своему остроумен. Чудесные деяния его по типу напоминают исполнения желаний героев сказок. Они показывают глубину его ума и остроту предвидения. Князю Константину Дмитриевичу, отправившемуся в Москву добывать себе великокняжеский стол, не сочувствовавший ему Михаил предрёк скорую смерть: «земля вопиет»,— повторяет он ему несколько раз. Посаднику Григорию, лишившемуся употребления рук и ног за покушение на монастырские ловли и просившему святого помолиться за него, Михаил раздражённо отвечает: «Поездишь по монастырям, попросишь у бога милости».

Во всех этих эпизодах-«чудесах» Михаил действует не под влиянием мистической экзальтации, а как политик, сильный и практичный человек. Михаил защищает эконо-

мические интересы монастыря, придерживается демократической московской партии.

Таким образом, житие Михаила Клопского рисует образ одного из тех монастырских деятелей, на энергии и предприимчивости которых основывалась экономическая и культурная мощь новгородских монастырей.

Стиль жития прост и близок к народному творчеству.

В житии встречаются следы рифмы: «а он (Михаил) от темьяна закрываетс я, крестом знаменаетс я», «а почнете ловити, и аз ловцам вашим велю ноги и руки перебити» и др. Некоторые из употребляемых в житии выражений приближаются по своему характеру к обычным формулам народного творчества. Например: «и молвит князь таково слово», «и рече посадник игумену таково слово», «Феодосий млъви старцам таково слово». Встречаются в житии и народные выражения, часто поговорочного характера: «хлеб, осподо, да соль», «что твоа, чадо, за дума, ездишь думаешь ж жонками», «тяжкий сон сломить», «собрашеся мног множество», «а мы доколе свет стоит и за тебя бога молим», «не весел изо обители тоя изыде» и др.

В языке жития довольно много просторечных ласкательных и уменьшительных выражений: «михайлушко», «сенцы», «детки», «жонки», «сынко» и др. Отдельные обороты прямо воспроизводят обычную разговорную речь: «и он (Михаил) ширинку дерг из рук вон у владыки — да на главу владыки», или «а Михайло жил себе в животе своем (при своей жизни) в келии един».

Таким образом, низы городского населения Новгорода, тяготевшие к Москве, создают свои литературные произведения, резко отличные и по демократичности формы и по политическому содержанию от витиеватых литературных произведений боярской партии.

ГЛАВА VII

ВОССОЕДИНЕНИЕ НОВГОРОДА С РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ

В конце 1470 или в начале 1471 г. новгородская правящая боярская партия, во главе которой находилась вдова новгородского посадника Марфа Борецкая с сыновьями, вступает в союзные отношения с польским королём и великим князем литовским Казимиром IV. Вскоре в Новгород прибыл литовский князь Михаил Олелькович. Иван III,

справедливо усмотрев в этих сношениях новгородских бояр о Литвой и Польшей измену русской земле, начал готовиться к походу. В 1471 г. Иван III собрал широкое совещание, на котором присутствовали представители самых разнообразных слоёв населения: духовенство, братья великого князя, князья, бояре, воеводы, воины. На этом совещании был решён вопрос о походе на Новгород. Таким образом своему походу на Новгород Иван III придал характер общерусского предприятия, поднятого всеми русскими людьми на «изменных» новгородских бояр.

Сражение 14 июля 1471 г. на реке Шелони привело к полному разгрому огромного новгородского войска, в большинстве своём крайне неохотно сражавшегося против войск, собранных Иваном III со всех концов русской земли.

Новгород признал себя «отчиною великого князя Московского», обязался уплатить огромную контрибуцию и отказался от самостоятельной внешней политики.

Но в сентябре 1477 г. потребовались вновь решительные меры против новгородских бояр. Иван III выступил в поход и подступил к самому Новгороду, заняв его окрестности.

Ни один из московских походов ни в прошлом, ни впоследствии не сопровождался такой усиленной пропагандой, таким обилием посланий, как новгородские походы Ивана III.

Поход 1477 г. был обставлен с чрезвычайной пышностью. Уничтожение новгородской независимости рассматривалось не как завоевание, а как воссоединение исконных русских земель под державой «боговенчанного монарха всея Руси». Наступая на Новгород, Иван III явно не спешил, принимал по дороге перебежчиков и затягивал переговоры, очевидно, выжидая, чтобы московские интересы сами взяли верх в Новгороде. К этому у Ивана III были веские основания: боярская партия, составлявшая крайнее меньшинство, орудовала в Новгороде путём подкупов и террора, которые переставали действовать при одном приближении громадного войска великого князя. Чем ближе подступала к Новгороду московская рать, тем больше перебегало к ней новгородцев, обещавших служить великому князю верою и правдою.

После этого второго похода Ивана III новгородская независимость была окончательно уничтожена, в Новгороде введены московские порядки, а вечевой колокол снят и увезён в Москву, где его повесили на колокольницу «с прочими колоколами звонить».

С приближением неизбежной развязки — уничтожения новгородской независимости — в Новгороде всё усиливаются мистические настроения, всё усложняется и делается более жестокой борьба общественных группировок, всё растеряннее и тревожнее становятся записи летописцев.

Накануне походов Ивана III новгородское летописание утрачивает свою организованность и систематичность. Летопись ведётся лишь по инициативе частных лиц, дополняющих и расширяющих списки, начатые их предшественниками. В этих дополнениях нет единства между отдельными летописцами ни в политических взглядах, ни в круге отмечаемых ими событий, ни в стиле и манере изложения. Летописцы то ограничиваются одними лишь новгородскими событиями, то вводят сведения общерусского значения; иногда они лапидарны, иногда же многоречивы и витиеваты. Те части новгородской летописи, которые отличаются традиционным новгородским лаконизмом стиля, лишены, однако, чеканности летописного языка XII—XIII вв. Летописец теряет обычную беспристрастность, как только подходит к предметам, близко касающимся его политических убеждений, и разражается болтливыми тирадами против своих политических врагов. Летописец, дополнивший один из списков новгородской IV летописи (Строевского), так отчитывает новгородца — сторонника московского великого князя, забившего железом 5 новгородских пушек при приближении к Новгороду московского войска: «Како не вострепета, зло мысля на Великий Новъгород не сытый лукавъства? не мьзди ли (не ради ли мзды) предаещи врагом Новъгород, о Упадыщче..?».

Не на одного Упадыша сетует летописец. Он осуждает «владычнь стяг» (полк архиепископа новгородского), который не хотел ударить на московскую княжую рать в битве на Шелони. Осуждает летописец и тех новгородцев, которые перед битвой с москвичами «вопили» на «больших людей» и не хотели сражаться.

Утомлённые постоянными распрями бояр и шаткостью новгородской политики, многие новгородцы с надеждою смотрели на Москву и грядущее лишение Новгорода его исконной свободы воспринимали как неизбежное следствие изменнической политики новгородского боярства.

В житии архиепископа Ионы сохранился рассказ о том, как Иона в присутствии митрополита мужественно заступался за новгородцев перед великим князем Василием Васильевичем. После упорных и энергичных молений Ионы

великий князь понемногу смягчился и отложил гнев на Новгород. Когда все умолкли, Иона заплакал. Спрошенный о причине скорби, Иона ответил: «Кто обидит людей моих толикое множество, и кто смирит таковое величество града моего (т. е. Новгорода), если (если только) усобицы не смятут их и раздоры не низложат их и лукавство зависьти не развеет их?».

Таким образом, неустройства новгородской жизни были ясны не только врагам Новгорода, но и защитникам его самостоятельности. В этой атмосфере ожидания близящегося конца новгородской независимости, усугублявшегося ещё ожиданием конца мира в 7000 (1492) г., множились грозные знамения, росли мистические настроения в антимосковски настроенной боярской среде и зарождались новые ереси.

В 1470 г., накануне похода Ивана Васильевича III, «текли слёзы» у иконы богородицы в церкви Евфимия, «текли слёзы» у Николы в церкви на Микитиной улице, «выступала кровь» на гробах новгородских архиепископов. «Того же лета на Фёдорове улици с тополья води капало много от верха и с сучья». «Недобрые знамения» не прекращались и после поражения новгородцев. В 1471 г. была «гибель луне: полунощи не ясне быв, и аки кровь в луне, и тма бысть не мало время... Тои же зимы видеша мнози два месяца на небе. Тои же зимы явися на небеси звезда хвостата...» и т. д. Появились смуты и ереси: какие-то «философы» в 1476 г. начали по церквам пети «Осподи, помилуй», а другие «О, Господи, помилуй». С падением независимости Новгорода многие из таких «знамений» задним числом истолковываются как предвестники поражения новгородцев на Шелони и конца новгородской независимости. Постепенно эти мелкие знамения превращаются в многочисленные и пространные легенды, связанные с концом новгородской воли.

«В нашей истории, — говорит В. Ключевский, — немного эпох, которые были бы окружены таким роем поэтических сказаний, как падение новгородской вольности. Казалось, «господин Великий Новгород», чувствуя, что слабеет его жизненный пульс, перенёс свои думы с Ярославова двора, где замолкал его голос, на св. Софию и другие местные святыни, вызывая из них предания старины».

Легенды о конце новгородской независимости отразились в житиях новгородских святых. Житие соловецкого святого Зосимы, составленное Досифеем в начале XVI в., рассказывает, как Зосима отправился в Новгород просить

управы на притеснявших его скит местных жителей и слуг бояр — владельцев Соловецких островов. В Новгороде Зосима побывал у архиепископа и у бояр, и все милостиво приняли его, кроме одной Марфы Борецкой — владелицы острова, на котором жил Зосима. Марфа велела отогнать Зосиму от своего дома. Зосима, «главою позыбав», пророчески сказал своим ученикам: «предут, дети, дни, когда затворятся двери дома сего, и никто из жителей не ступит на него». Однако расположенный к Зосиме архиепископ Феофил заставил всё же Марфу пригласить Зосиму к себе. На пиру, сидя на почётном месте (в лицевом, т. е. иллюстрированном, списке жития Зосимы и Савватия Зосима сидит за особым изящным столиком), Зосима по обычаю своему мало ел. Взглянув на гостей (Марфа пригласила к себе 6 новгородских бояр), Зосима вдруг увидел их без голов. Взглянув ещё и ещё раз и убедившись, что видение не проходит, и поняв его значение, Зосима вздохнул и прослезился. На пиру Марфа испросила у Зосимы прощение и дала монастырю грамоту на владение островом и Сумским погостом.

После обеда ученик Зосимы Даниил спросил его о причине слёз. Зосима объяснил: шесть бояр, виденных им без голов, будут со временем обезглавлены. Пророчество Зосимы, рассказывает житие, сбылось: Иван III, заняв Новгород, велел казнить бояр, которых Зосима видел безголовыми.

Помимо основного значения легенды — задним числом прославить святого чудом пророчества — в ней есть и боковой смысл, чисто местного характера: после уничтожения новгородской независимости надо было как-то оправдать то, что Соловецкий остров был подарен монастырю «еретичкою» Марфой Борецкой. Грамота Марфы (эта грамота сохранилась и сейчас) была основным документом на земельные владения монастыря.

Поздние новгородские летописи включили в свой состав под 1045 г. легенду об изображении вседержителя в куполе Софийского собора. Легенда рассказывает, как, построив церковь, приступили к росписям, и царьградские иконописцы начали «подписывать во главе» образ вседержителя с благословляющею рукою. Наутро, однако, епископ Лука увидел, что образ написан без благословляющей руки. Три раза переписывали иконописцы образ, и каждый раз рука наутро оказывалась сжатою. На четвёртое утро услышали иконописцы голос, исходивший от написанного ими изображения: «писари, писари, о писари!

не пишите мя благословящею рукою, напишите мя сжатою рукою. Аз бо в сей руце моей сей Великий Новъград держу, а когда сия рука моя распространится (раскроется), тогда будет граду сему скончание».

Реально происхождение недоумения объясняется тем, что греческие иконописцы, расписывавшие Софию, написали вседержителя с рукою, благословляющей троеперстием, вместо привычного новгородцам двоеперстия. Рука на изображении была, таким образом, не благословляющею, но она не была и «сжатою», как указывалось в летописи. Это расхождение между летописью и изображением чрезвычайно существенно: оно-то именно и раскрывает конечный смысл легенды: рука на изображении уже полураскрыта, а не сжата, как раньше, при написании образа, как о том свидетельствует летопись: следовательно, «скончание» Новгороду близится. Переписывая в летопись известие о сжатой руке вседержителя под 1045 г., летописец хотел придать ему характер документальности, поразить воображение читателя, который всегда мог сопоставить летописный рассказ с хорошо знакомым ему изображением.

Под тем же 1045 г. и, очевидно, тем же лицом в летописи оказалась записанной и другая легенда о происхождении находившейся в Софии иконы Спаса, принадлежавшей некогда греческому императору Мануилу. Царь Мануил сам писал эту икону. Однажды Мануил велел наказать какого-то священника («возложити раны нещадно»). В ту же ночь Мануилу явился во сне Спас тем самым образом, каким он его изобразил на иконе, и укорил царя за то, что он взял на себя право судить клириков (функция, не принадлежавшая в Византии светской власти). Затем Спас указал ангелам перстом на императора Мануила и велел его высечь («возложити раны»). Проснувшись от боли, высеченный Мануил увидел, что Спас на его иконе указывает перстом вниз, как он указывал ангелам в ночном видении. «И восплакался» царь и перестал судить священников. Легенда эта явно имеет в виду «узурпацию» в Новгороде Иваном III судебных прав архиепископа. По смыслу легенды Иван III был достоин такой же порки, как и император Мануил.

Обе приведённые легенды — об изображении вседержителя в куполе Софии и об иконе Спаса в Софии же «противо места владычня» — принадлежат к типу распространённых в средневековой литературе легенд об оживающих изображениях.

Помимо легенд, сочувственно изображавших новгородскую независимость, имелись легенды, в которых «власть новгородских посадник и тысяцких и всех бояр» рассматривалась с иных — демократических позиций. Такова, например, легенда о Перуне, заключающая в себе явную насмешку над политическими правами Новгорода и его усобицами на Волховском мосту. Легенда эта, обычно помещаемая в начале поздних новгородских летописей и также относящаяся ко второй половине XV в., рассказывает, как первый новгородский епископ Иоаким сверг кумир Перуна, стоявший недалеко от Новгорода в местечке Перынь, и велел бросить его в Волхов. Плывя под Волховским великим мостом, Перун, в которого вошёл бес, бросил палицу свою на мост, «ею же безумнии убивающеся, утеху творят бесом».

К числу легенд, несочувственно относившихся к новгородским порядкам эпохи независимости, принадлежит и сказание о построении варяжской божницы в Новгороде. Легенда эта составилась, как можно думать по некоторым признакам, вскоре же после падения новгородской независимости. В ней рассказывалось о том, как немцы дали «посул (взятку) велик» посаднику Добрыне и построили с его помощью божницу на месте, где стояла раньше православная церковь Иоанна Предтечи. Бог и Иоанн Предтеча покарали за это посадника: вихрь поднял его над Волховом и ударил им о воду. Добрыня утонул, и тело его, выловленное из реки сетями, оставили непогребённым.

В сказании этом любопытно то, что времена мирного процветания Новгорода и его свободы связываются с тем далёким прошлым, когда Новгород признавал власть «великих князей наших русских». Но уже и тогда, как видно из легенды, посадники злоупотребляли своею властью и за посул готовы были изменить и предать Новгород немцам.

Итак, рассматривая легенды о конце Новгорода, нельзя не заметить, что некоторые из них сочувственно, а другие несочувственно изображали это событие. Факт этого разделения новгородской литературы объясняется продолжавшейся в Новгороде борьбой двух политических партий: демократической московской и боярской. Борьба эта принимает особенно ожесточённые формы при архиепископе Сергии и усложняется непосредственным участием в ней приезжих москвичей.

Первым выступлением на новгородской почве природ-

ных москвичей (из переселённых или переведённых в Новгород служилых) было пространное произведение, включённое затем в состав новгородской летописи: «Словеса избранна от святых писаний». «Словеса» эти были специально подобраны автором-москвичом против новгородцев. «Словеса» составлены в резко антиновгородском тоне: «мужие новгородци» сравниваются в них со всеми злодеями Ветхого и Нового Завета. С озлоблением осуждается в «Словесах» «неукротимая мудрость» новгородцев, которые «лукавством мысли возгордевшеся». Марфа Борецкая характеризуется в «Словесах» как «окоянная злая аспида ни бога боится, ни человек срамляется». В «Словесах» проводится мысль о божественном характере княжеской власти. Новгород называется в них государевой отчиной. «Словеса» несут на себе внятные отголоски современности и принадлежат, очевидно, какому-нибудь из сопровождавших Сергия великокняжеских чиновников.

Крутая политика Сергия вызвала в Новгороде не менее ожесточённое сопротивление. Летописи с сепаратистской окраской включили в свой состав легенду о посрамлении Сергия новгородским святым Моисеем. Легенда рассказывает, как Сергию, проезжавшему мимо монастыря Михаила на Сковородке, один из священников указал на «гроб строителя монастыря того архиепископа Мосея». «Он же (Сергий) возря на священника» велел ему открыть гроб. Священник возразил, но Сергий с гордостию ответил: «кого сего смердовича и смотрити?» и за это был наказан: он впал в «изумление», т. е. сошёл с ума. Иногда видели его сидящим без мантии «в одной ряскы» на «Евфимиевской паперти» (т. е. на крыльце Грановитой палаты, где собирался Совет господ и совершался владычний суд) или в полдень у храма Софии. Вскоре Сергия удалили в Троице-Сергиев монастырь.

Любопытно, что московский летописец, сообщая об этом же событии, не преминул взвести напраслину на новгородцев, обвинив их в том, что они «волшебством испортили владыку».

Идея святости новгородской старины, которая сама защищает себя от «безумных дерзнутий» москвичей, отразилась и в другой легенде, включённой в качестве одного из «чудес» в житие Варлаама Хутынского. Так же как и Сергий, проезжая мимо Хутынского монастыря, Иван III потребовал открыть ему мощи Варлаама, но исшедший из-под пола огонь опалил трость Ивана, которою он пытался

помочь вскрывавшим, и заставил его бежать от раки Варлаама. Каждый раз, как Иван III ударял тростью о пол церкви, она высекала огонь. Иван бросил трость и в паническом страхе бежал из монастыря.

Третья легенда, связанная с тою же идеей неприступной святости Новгорода, переносит действие ко времени расцвета новгородского могущества в XIV в. Король Магнус, неудачливый инициатор крестового похода на Новгород, оставил, по легенде, «рукописание», в котором отговаривал своих потомков и наследников от походов на Новгород и Русь.

Магнус перечисляет неудачные походы своих соотечественников, начиная с Биргера, воевавшего против Александра Невского, в которых «не пособлялось» им на Русь. Магнус вспоминает, как у него самого отнял бог ум за поход на Новгород, как он сидел «в изумлении» прикован на цепи и заделан в палате. Последнее поражение Магнуса и гибель его флота от бури были особенно жестоки. Магнус едва спасся, 3 дня и 3 ночи проплыв на доске. Ветром внесло его в реку и прибило к берегу к монастырю Спаса, где монахи постригли его в схиму. «А все то меня бог казнил за мое высокоумие, что есмь наступил на Русь за крестным целованием (т. е. нарушив крестное целование). А ныне приказываю своим детем и своей братии: не наступайте на Русь на крестном целовании; а кто наступит, на того бог, и огонь и вода, им же мене казнил; а все то бог сотворил ко спасению моему».

В легенде о Магнусе и в легенде о Сергии есть общая деталь, сближающая их между собою: и того и другого бог наказывает за покушение на новгородскую старину, отнимая разум.

Так идея защиты новгородской независимости и величия его прошлого после завоевания Новгорода Москвой сменяется идеей божественной неприступности его святынь. Новгородские сепаратистские настроения всё более и более принимают церковную окраску.

ГЛАВА VIII

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В НОВГОРОДЕ

На смену Сергию в Новгород был прислан архиепископ Чудовский архимандрит Геннадий. Будучи ставленником Москвы, Геннадий не относился к Новгороду как москвич, но и в отношениях с Москвой не был новгородцем. Он не

оскорблял местного патриотизма, отдавал должное новгородским обычаям и традициям, если они не противоречили московской политике, и вместе с тем исподволь вводил общерусские порядки. Однако и этим методам Геннадий встретил сопротивление, которого не предвидел и значение которого было на первых порах далеко не ясно для самой Москвы.

В конце XV в. большинство русского населения ожидало конца мира в 7000 (1492) г. Ожидание это вызывалось особенною значимостью для средневекового мировоззрения числа семь: по толкованиям богословов семь дней творения богом мира соответствовали семи тысячелетиям его существования, и в 7000 г. должно было наступить светопреставление. Слухи о наступающем конце мира были широко распространены в Новгороде, где они поддерживались ещё грозными для новгородцев событиями последних лет. Одна из новгородских пасхалий, доведённая только до 7000 г. от «сотворения мира», заканчивалась следующими словами: «зде страх, зде скорбь... в сие лето чаем и всемирное твое пришествие». Сам архиепископ Геннадий был заражён этими настроениями и во время крестных ходов по Новгороду пел акафисты о страшном суде. В послании к Иоасафу Ростовскому Геннадий с затаённым чувством опасения писал: «прейдут три лета, кончается седмая тысяща».

Все эти ожидания сеяли панику, но вместе с тем пробуждали и скептицизм. В то время как некоторые новгородцы покорно ждали конца мира, другие занимались светскими науками, свободно обсуждали вопросы религии и государственного устройства.

Разразившиеся в конце XV в. события показали, что это движение вольнодумцев, ставшее особенно опасным после того, как ожидания кончины мира не исполнились, могло потрясти Русское государство в большей мере, чем военные столкновения с Новгородом. Вооружённое сопротивление московскому войску, сменившееся идеологическим сопротивлением московским церковным обычаям, превратилось затем в сопротивление церковности вообще, вылилось в антицерковное движение «жидовствующих».

Насколько можно судить по дошедшим памятникам литературы «жидовствующих», — движение это не было ересью в собственном смысле этого слова. Это была не столько «богословская ересь», сколько идейное антиклери-

кальное течение, связанное своим происхождением и направленностью с ранним европейским гуманизмом. В Новгород (а позднее и в Москву) эти отзвуки гуманистических течений на Западе проникали через Литву и через литовских евреев. Посредство евреев в переносе этих отзвуков гуманистических идей на Русь далеко не случайно.

Вопрос о евреях и еврейской письменности всегда занимал гуманистов XIV—XV вв. Иоганн Рейхлин, как и многие другие гуманисты, изучал еврейский язык, защищал еврейскую письменность (Талмуд, Зогар, комментарий Раши, Кимхиды, ибн Эзры, Герсониды и др.) от нападок обскурантов.

Интерес гуманистов к еврейской письменности встретил ответное движение в среде евреев. Во второй половине XV в. султан Магомет Победитель (1451—1481 гг.) распространил на евреев права всех прочих подданных не мусульман. Эдикт этот вызвал большой прилив в Константинополь евреев и создал здесь центр умственного движения, близкого к гуманистическому.

Евреи выпускали в Константинополе книги, открывали школы, занимались медициной и астрологией. В середине XV в. особенно выделился среди еврейских учёных того времени раввин Куманято. Куманято изучал астрономию, математику, механику, естественные науки. Отличаясь значительным свободомыслием, Куманято не делал различия между талмудистами и караимами, преподавал светские науки, не вдаваясь в религиозные споры своего времени.

Аналогичное гуманистическое движение существовало в XV в. и среди литовских евреев. Последнему не мало способствовало покровительство, которое оказывали евреям Витовт и Казимир. Гуманистическое движение и дружественные отношения евреев с литовским и польским населением порождали религиозный индиферентизм и в XV в. вызвали многочисленные случаи перехода евреев в христианство, как и обратно — христиан в иудейство.

Гуманистические идеи проникали к литовским и польским евреям главным образом от шляхты, воспитывавшейся в очагах гуманизма — в университетах Германии и Италии.

Во второй половине XV в. начинается наплыв иностранцев на Русь, главным образом в центры иностранной торговли — в Москву и Новгород. Новгород ведёт обширную торговлю с Литвой, во главе внешней торговли которой стояли евреи. Нет поэтому ничего удивительного, что первыми насадителями в Новгороде гуманистических идей

(правда, в сильно провинциальном литовском преломлении) были именно евреи.

Новгород всегда был на Руси центром всякого нарушения церковных порядков и неоднократно вызывал пространные увещевания митрополитов. В XIV в. здесь прочно свила себе гнездо пришедшая из Пскова ересь стригольников. Здесь постоянны были колебания между московским митрополитом и литовским митрополитом-униатом. Естественно, что в Новгороде были люди, которые не только тянули к Литве политически, но подпадали и под культурное влияние, шедшее оттуда же.

О возникновении движения «жидовствующих» полнее всего рассказывается в «Просветителе» Иосифа Волоцкого. Иосиф Волоцкий выразил, однако, тенденциозный официальный взгляд и всячески стремился опорочить движение. Иосиф возводит возникновение ереси к 1470—1471 гг., когда в Новгород приезжал литовский князь Михаил Олелькович. Приглашение Михаила Олельковича было, как известно, с московской точки зрения самым крупным из преступлений новгородцев. С этим литовским князем, утверждает Иосиф, приехал в Новгород и еврей Схария, от которого якобы и пошла ересь. Схария совратил в еретичество попа Дионисия, Дионисий привёл к нему попа Алексея. И Дионисий и Алексей хотели якобы совершить обрезание, но Схария запретил им это, велев соблюдать ересь в тайне. На помощь Схарии явились вскоре и иные евреи: Осиф Шмойло Скарявей и Моисей Хануш.

Сведения Иосифа подозрительно противоречивы. Схария, склонив Алексея и Дионисия в иудейскую религию, запрещает им совершить обрезание! Странно и то, что «еретики» не отказывались от священства, продолжая служить в храмах. Вряд ли можем мы предположить вместе с Иосифом, что это делалось ими из одного лишь коварства. Иосиф явно стремится всячески опорочить движение и использует традиционные приёмы, связывая измену вере с изменой родине, и с лёгкостью, обычной в московской практике и последующих веков, причисляет «жидовствующих» к «еретикам».

Таким образом, самое появление движения окутано тайной.

Не менее противоречивы сведения и о сущности «жидовства». Геннадий видел в нём ереси «маркианскую» и «мессалианскую», Иосиф находил в нём «ереси многи» и т. д. Не согласуются известия об ереси и в другом. Так, например, в «Просветителе» Иосиф указывает, что сам митро-

полит Зосима отрицал загробное существование: «А что то царство небесное, а что то второе пришествие, а что то воскресение мертвых, — ничего того несть, умерло кто — он по та места и был», а в другом месте говорится о том, что «жидовствующие» не признавали служб по умершим, так как праведники спасутся и без того, т. е. всё же признавали загробное существование. По некоторым известиям «жидовствующие» отрицали поклонение иконам, кроме иконы Христа, по другим же известиям — отрицали в Христе божественное начало и, следовательно, вряд ли могли выделять почитание его иконы. Наконец, Иосиф Волоцкий обличал еретиков в отрицании догмата о троичности бога и, вместе с тем, счёл почему-то необходимым в своём «Просветителе», направленном против «жидовствующих», доказывать неверность католического учения об этой троичности.

Вместе с тем, косвенно, мы находим всё же и в посланиях Геннадия и в том же «Просветителе» Иосифа многое, отражающее действительное направление умственного течения «жидовствующих». Так, например, мы узнаём, что «жидовствующие» усиленно занимались астрологией, логикой, нападали на Ефрема Сирина за картину второго пришествия и т. д. Повидимому, движение «жидовствующих» было движением свободомыслящих, связанным своим происхождением с отголосками гуманистического течения на Западе, возможно, через литовских евреев. Отдельные представители этого движения по-разному углублялись в это свободомыслие и тем давали повод к противоречиям в характеристике «жидовства».

С движением «жидовствующих» связывается целый ряд западнорусских рукописей XV и XVI вв., гуманистический характер которых выражен более или менее ярко либо в самом изложении, либо в выборе темы, характерной для эпохи Рейхлина и Эразма.

Обнаружить эти рукописи удалось в конце XIX и начале XX в. по тем указаниям, которые дали на литературу «жидовствующих» противники движения Геннадий и Иосиф Волоцкий. Последние упоминают «Шестокрыл», «Логику», особую Псалтырь, сочинения астрологического и чернокнижного характера и др.

«Шестокрыл» представляет собою рукопись астрологического содержания, автором которой был еврей Иммануэль-бар-Якоб, живший в XIV в. в Италии. Она явилась плодом того увлечения астрономией и астрологией, которое было характерно для Италии XIV в. Перевод «Шестокрыла» отражает общий гуманистический интерес «жидов-

ствующих» к астрономии и имел существенное значение в опровержении мнения о грядущей кончине мира в 7000 (1492) г. В «Шестокрыле» имелся ряд указаний о том, как вычислять новолуния, затмения солнца (так пугавшие новгородцев) и т. д. Язык перевода — белорусский с немногими еврейскими терминами (напр., в названиях знаков зодиака).

Более ярко гуманистический характер сказывается в переводе (с еврейского же) «Тайная тайных».

«Тайная тайных» (Secretum Secretorum), или «Аристотелевы врата» (как именует их Стоглавый собор), хотя и были известны в Западной Европе в течение всего позднего средневековья, но особенное распространение получили в XV в. — в эпоху раннего гуманизма, характеру которого они отвечали по своему содержанию. Авторство их было приписано Аристотелю, который будто бы написал это поучительное сочинение для своего ученика Александра Македонского, находившегося в Персии. На самом деле «Аристотелевы врата» представляют собой арабскую компиляцию, перевод которой на латинский язык был сделан не позднее XIII в.

«Аристотелевы врата» были занесены на Русь в XV в. тою же ересью «жидовствующих». Они отвечали возникшему в XIV в. стремлению гуманистов к точному знанию, к вычислениям, к медицине и к изучению человеческого поведения в зависимости от физических свойств человека.

«Аристотелевы врата» — это наставления Аристотеля своему ученику Александру Македонскому, как управлять вселенной. Форма своеобразного Домостроя для царя позволила автору трактовать вопросы управления государством с непривычною для русского читателя смелостью. Особенно подробно «Аристотелевы врата» останавливались на обязанностях царя перед своими подданными. Царская власть рассматривалась как явление служебного для народа характера. Некоторые из заветов «Аристотелевых врат» могли казаться особенно заманчивыми в русской обстановке XV в. Аристотель обращался к Александру с наставлениями не изменять своему слову и присяге, заботиться о благосостоянии подданных, повышать тех, которые «любять правду», не проливать зря крови и т. д. Из добродетелей, которые следует иметь управителю государством, Аристотель особенно рекомендует щедрость и милосердие.

Вместе с тем Александру советуется во всём слушаться бояр: «Александр ведай иже бояре крепость земная и честь царская... они мура (стена) крепкая народу твоему».

Защита бояр обычна в «Аристотелевых вратах». Она объясняет нам, почему книга эта была популярна в рядах боярской оппозиции (именно из неё позднее А. Курбский черпал аргументы о значении боярства), и отчасти бросает свет на социальную природу движения «жидовствующих», получившего сильное распространение во дворце самого великого князя Ивана III.

Итак, мы должны представить себе движение «жидовствующих» как умственное направление, лишённое стройности и единой концепции. Это было движение гуманистического характера, захватившее по преимуществу лишь образованные круги Новгорода и Москвы. Движение не затронуло низов населения, оставаясь, в сущности, так же как и течение гуманистов на Западе, чисто «интеллигентским», доступным для немногих. Социальное значение движения невелико и противоречиво: в Новгороде «жидовствующие» противодействовали Геннадию, т. е. московской церкви, и были, очевидно, связаны с литовской партией, а в Москве литература «жидовствующих» служила делу боярской партии. Вместе с тем движение «жидовствующих» имело серьёзное прогрессивное значение, будя мысль, вводя в круг образованности новые книги, создав в конце XV — начале XVI в. большое умственное возбуждение, хотя и явившееся провинциальным отголоском провинциального литовского гуманизма.

Закончилась «ересь» трагически. Иван III, пользовавшийся вначале «жидовствующими», так же как впоследствии заволжскими старцами, для устрашения и некоторого нажима на церковь, достигшую в XIV—XV вв. чрезвычайной влиятельности, в конце концов переменил свою политику. На соборе 1490 г. «жидовствующие» были преданы проклятию. В 1504 г. собор снова осудил «жидовствующих», и некоторые из них, по примеру испанских инквизиционных расправ с еретиками XV в., были казнены.

Ближайшим последствием «ереси» для Новгорода было возобновление литературной деятельности владычнего двора. Геннадий не только сам был опытным литератором и полемистом, но и умел концентрировать вокруг себя книжников. По заказу Геннадия в 1489 г. грек Дмитрий Трахониот составляет справки «О летах седьмой тысячи» в опровержение мнений о конце мира в 7000 (1492) г. В 1490 г. в Новгороде были записаны «Речи посла цесарева» (Георга фон Турна), рассказывавшего об испанской инквизиции и о способах борьбы с еретиками. Специальные богословские заказы делаются проживавшему в Новгороде доминиканцу

Вениамину. Ряд поручений [1] выполняет для Геннадия один из самых образованных русских людей XV в. — Дмитрий Герасимов. Заказы даются в Рим Дмитрию и Мануилу Ралеви. От эпохи Геннадия дошло пособие для изучения латинского языка (латинский текст Псалтыри с междустрочными пропусками для заполнения переводом). Геннадий проектировал особые школы и т. д.

Наконец, самым большим из литературных предприятий Геннадия следует признать составление грандиозного, первого на славянских языках свода библейских книг — так называемой Геннадиевской библии 1499 г.

Геннадий собрал тексты библейских книг по русским библиотекам, из которых важнейшей была чрезвычайно богатая библиотека Софии в Новгороде. Кроме того, Геннадий пополнил свой текст переводами из латинской библии Иеронима (IV в.). Геннадиевский текст лёг в основу первой на славянском языке печатной библии XVI в., так называемой «Острожской». По выражению исследователя Геннадиевской библии Евсеева: «Геннадиевский свод славянской Библии 1499 года был средоточием и высшим завершением всей библейской деятельности на славянской почве у южных славян и у русских» [2].

ГЛАВА IX

НОВГОРОД В СОСТАВЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Присоединение Новгорода к Москве не сопровождалось стремлением к разрушению его культурных ценностей. Уничтожая новгородскую независимость, москвичи не считали себя завоевателями, точно так же как и представители демократической московской партии в Новгороде не рассматривали себя как врагов родного города. Признание значительности одного из старейших русских городов постоянно ощущается в отношениях Москвы к Новгороду. Москва широко использовала новгородские летописи и исключительные книжные богатства Новгорода, приглашала к себе новгородских иконников и строителей, подчёркивала славу и величие Великого Новгорода, исконную зависимость его от московских великих князей, усматривая новгородскую измену лишь в «последних летех». После-

---

[1] Переводы сочинений Николая де Лиры.

[2] «Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г.», т. II, 1916, стр. 16.

пенно Москва обстраивала новыми стенами новгородский Детинец, возвратила в Новгород софийскую казну, увезённую было Иваном III, перепланировала город, расширяя улицы, упорядочила городскую жизнь.

С конца XV — начала XVI в. строительство в Новгороде в основном переходит в руки московских купцов, переселённых в Новгород Иваном III.

Крупные новгородские купцы — москвичи по происхождению — заказывают постройку церквей новгородским артелям каменщиков. Противоречия между московскими вкусами заказчиков и новгородскими строительными традициями не могли не сказаться в новгородских постройках этой поры. Крупнейшими строителями Новгорода в XVI в. были «московские гости» Сырковы и Таракановы, вновь поставившие Мироносицкую церковь (1510 г.) на Ярославовом Дворище, церковь Климента (1520 г.), Параскевы Пятницы на Торговище (1524 г.), Прокопия (1529 г.) [1] и др.

Наивное применение московских строительных приёмов в сочетании со старыми типами новгородской архитектуры XII в. представляет собой церковь Бориса и Глеба (1536 г.) на Торговой стороне в Новгороде. Московское пятиглавие этой церкви (очевидно, заказанное строителям и, кстати сказать, неумело применённое) совпало с пятиглавием новгородских церквей XI—XII вв. и дало возможность строителям обратиться к попыткам возрождения древнего позакомарного (посводного) покрытия (впрочем, вместо волнистой кровли строители покрыли закомары мелкими фронтончиками, придавшими постройке наивный и незаконченный вид).

Но не только московские купцы строят в Новгороде. В 1515 г. отец Ивана IV Грозного — Василий III построил в Хутынском монастыре недалеко от Новгорода Преображенский собор, поражающий своими торжественными и монументальными формами, характерными для московской архитектуры начала XVI в. [2].

---

[1] Церковь Прокопия немцы сожгли вместе с хранившимися в ней несколькими сотнями ценнейших новгородских икон. От неё сохранились лишь стены.

[2] Преображенский собор, как и весь комплекс построек Хутынского монастыря, чрезвычайно сильно пострадал от артиллерийского огня немцев.

Новгородское зодчество, включённое в общий процесс развития русской архитектуры, продолжает своё движение вперёд. Значительно увеличивается количество построек и их размеры.

Во второй четверти XVI в. в Новгороде наблюдается возрождение организованной работы над летописанием. В 1533 г., при ближайшем участии новгородского архиепископа Макария — будущего сподвижника ряда культурных предприятий Грозного, — была составлена новая редакция хронографа (всемирной истории), а в 1539 г. — новый летописный свод.

Среди летописных известий начала XVI в. особенный интерес имеет рассказ о попытке «некоего хитреца» перегородить Волхов плотиной и поставить на нём мельницу: своеобразный Волховстрой.

Пскович поставил на Волхове «срубы великии», которые топил затем на дно Волхова, «чтобы ему отняти часть у Волхова». Между срубами пскович сделал ограду, поставил колесо и жернов, «и камень нача вертеться».

Триста рек «великих и малых» впадают в Ильмень, а «то езеро током единым темь Волховом сквозе весь Великий Новгород и входит во езеро Ладожское, он же хотя на тои реце таковую вещь зделати!» — восклицает летописец и затем рассказывает, как весной разливом вод и внесённым в Волхов льдом разнесло плотину, а сам строитель принуждён был бежать от недовольных новгородцев «страха ради».

Возрождённая при Макарии летописная деятельность владычнего двора тесно связана с другим литературным предприятием, выполнявшимся собранным Макарием кружком книжников: Великими Макарьевскими Четьями-Минеями. Задача, которую ставил себе Макарий при составлении этих Миней, — грандиозна. Макарий объединил в них все жития местных русских святых и многие другие литературные произведения. Это было идейным собиранием русской церкви, подобно тому политическому объединению Руси, которое незадолго до этого было осуществлено московскими великими князьями.

При архиепископе Макарии в 1537 г. было придано окончательное московское оформление житию Михаила Клопского. Архиепископ Макарий был озабочен переработкой жития Михаила Клопского по целому ряду причин. По преданию, Михаил был в каком-то свойстве с московскими

князьями. «Чудеса» первых двух редакций говорили о вражде Михаила с новгородскими посадниками и архиепископами. Михаил предсказывал поражение новгородцев москвичами, был противником приглашения литовского князя Михаила Олельковича и т. д. Всё это делало его житие удобным объектом новой переработки всецело в московском духе. Москва получала себе, таким образом, союзника в лице одного из наиболее почитаемых новгородских святых. Возвеличение памяти Михаила Клопского было важным политическим шагом, отмеченным даже в летописи.

Впервые в истории древнерусской книжности составление нового жития было поручено светскому лицу: московскому чиновнику, сыну боярскому и «храброму воину», Василию Тучкову.

Тучков значительно усилил антиновгородские тенденции жития, ввёл новый эпизод, в котором гибель Новгорода предсказывается Михаилом Клопским в самый день рождения Ивана III. В уста Михаилу вложены резкие осуждения и поношения новгородцев: «почто, безумнии, яко пияни мятетеся? Аще не утолите гнева доброчестивого царя Ивана Васильевича, то многи беды приимите; пришед бо за неисправление ваше, станет в берегах и многу победу покажет» и т. д.

После включения Новгорода в состав единого Московского государства уже в XVI в. новгородцев продолжал тревожить страх за судьбу своего города. Покаянные настроения остаются в литературе и после того, как угроза конца мира в 1492 г. не оправдалась. Но вместе с тем легенды о конце Новгорода приобретают в XVI в. иной характер. Политическая острота темы снижается, и литература обращается к бытовым тревогам, как это было в XII в.

В 1508 г. грозные стихийные бедствия опустошили Новгород значительно сильнее, чем походы Ивана III. Три осени сряду умирали в Новгороде люди «железою» — повальною болезнью. В осень 1508 г. умерло 15 396 душ. Затем в том же году в страшном пожаре выгорела вся Торговая сторона; осталась лишь малая часть городской стены. От жары кальцинировались и расседались известняковые плиты, входившие как строительный материал в новгородские постройки. Пожар раздувался великим ветром. Вихрь гнал на Волхове суда к пылавшей части города и топил их. Люди пытались спастись в больших садах, но огонь настигал их и там. После пожара нашли 2314 трупов (по другой версии 5314), а число сгоревших в пепел один

«бог весть». «Николи же в Новгороде таково пожара не бысть».

События 1508 г. послужили поводом для составления повести, задним числом предсказывавшей Новгороду «наказание за грехи».

Понамарь Тарасий был однажды ночью в церкви Преображения Хутынского монастыря. Внезапно Тарасий увидел, как зажглись свечи и возгорелись кадильницы и церковь наполнилась благоуханием фимиама и ливана. «И зрит понамарь зрящими очима, не во сне, но на яве» — вышел из гроба чудотворец Варлаам и начал молиться, со слезами и с великим умилением. Варлаам молился три часа, а затем послал Тарасия на кровлю собора.

С кровли собора Тарасий увидел, что Ильмень-озеро поднялось над Новгородом и готово его затопить. Когда Тарасий в ужасе спустился вниз, Варлаам объяснил ему: «Господь бог хощет езером Илмером потопити Великий Новъград, за умножение грехов людских всенародного множества и за беззаконие и неправды их». Снова Варлаам молился три часа богу и снова послал Тарасия наверх.

Во второй раз Тарасий увидел множество ангелов, стреляющих огненными стрелами в народ — на мужи и на жёны и на дети. Перед каждым человеком стоял ангел-хранитель, держа книги и читая в них божие повеление, и тех, кого находил в этих книгах живыми, мазал миром кистию из сосуда, а тех, кому написано было умереть, оставлял без помазания.

В третий раз взошёл Тарасий на церковный верх и увидел над городом огненную тучу. Варлаам объяснил Тарасию, что он умолил богоматерь от первого наказания — потопа, но Новгород поразят мор и пожар.

Несмотря на обилие «общих мест» и мистическую окраску, повесть включает, однако, несколько конкретных моментов, делающих её типично новгородским произведением.

В повести о видении понамаря Тарасия прежде всего поражают своею яркостью и выразительностью зрительные образы: озеро, «воздвигшееся на высоту, хотя потопити Великий Новъград», огненная туча над городом и т. д.

Эти зрительные образы получили многочисленные отклики в новгородской живописи XVI—XVII вв. Обилие зрительных элементов составляет характерную черту новгородских повестей и легенд: неслучайно большинство из них связано с иконами, фресками и архитектурными сооружениями.

Конкретность и зрительность отдельных мотивов повести о видении понамаря Тарасия позволяют уточнить её датировку. Хутынский монастырь был построен в 10 км. от Новгорода на небольшом холме, резко контрастирующем с окружающей Новгород равниной. В 1515 г. по повелению московского князя Василия Ивановича в Хутыне на холме был воздвигнут новый Преображенский собор — самый высокий по своим размерам из новгородских церквей. Это был один из немногих поздних новгородских храмов, имевших внутренний ход на кровлю, с которой открывался единственный и неповторимый вид на Новгород: город расстилался на юг от собора, был виден во всех своих деталях, а за городом, как бы нависая над ним, на самом горизонте стояло казавшееся выпуклым Ильмень-озеро. Открывавшаяся с крыши Хутынского собора панорама могла быть поводом к созданию легенды. Упоминание в повести «п е р в о г о строения церкви каменного Спаса» окончательно подтверждает, что повесть была составлена вскоре же после постройки в т о р о г о Преображенского собора в Хутыне, т. е. после 1515 г.

Сепаратистские настроения в новгородской литературе XVI в. не имеют уже прежнего значения. Политические устремления новгородцев сменяются чисто церковными, но при этом литература редко возвеличивает новгородскую церковь в целом, во главе которой стоял архиепископ москвич, а занимается прославлением местных святынь и монастырей: Тихвинского, Хутынского, Антонова и др.

Притязания новгородской церкви на особое место среди православных епархий решительнее всего звучат лишь в известной «Повести о новгородском белом клобуке».

Повесть рассказывает о том, как новгородский архиепископ Василий Калика получил от константинопольского патриарха символ особой благодати — белый клобук. Белый клобук был подарен папе Сильвестру римским императором Константином Великим. Константин сделал этот клобук римскому папе по повелению явившихся ему во сне апостолов Петра и Павла как символ духовной власти, равный царскому венцу. С отпадением Рима от православия белый клобук папе было повелено свыше отправить в Константинополь. Однако ангел явился константинопольскому патриарху и велел переслать клобук в русскую землю в Великий Новгород: «тамо бо ныне воистину славима есть христова вера». Повести предпослано небольшое предисловие в форме письма Дмитрия Толмача новгородскому архиепископу Геннадию. Дмитрий пишет, как он разыскал

по приказанию Геннадия в Риме «Повесть о белом клобуке», которую римляне «срама ради таятся велми».

Яркая личность Дмитрия Герасимова Толмача, от лица которого ведётся предисловие «Повести о белом клобуке», позволяет нам представить облик образованного новгородца. Дмитрий получил образование в Ливонии под руководством псковича Мисюря Мунехина, был переводчиком Посольского двора, посланником при дворах шведском, датском, прусском, венском и римском. Павел Иовий хвалит ум Дмитрия и приятность его в обхождении. Дмитрий неоднократно выполнял различные книжные поручения Геннадия и известен рядом посланий.

К сюжету «Повести о белом клобуке» тесно примыкает и житие новгородского святого Антония Римлянина, сохранившееся, впрочем, только в поздней обработке (конца XVI в.), но корнями своими уходящее глубоко в древность. Житие Антония также трактует общую и для «Повести о белом клобуке» тему о переходе святынь из Рима в Новгород. Житие рассказывает, как после отпадения Рима от православия монахи, оставшиеся верными «истинной вере», принуждены были скрываться от гонений в пустынях. Среди них был и Антоний, избравший местом своего подвижничества скалу на берегу моря. В бурю, когда Антоний молился на камне, волна внезапно подняла камень и понесла его «ябо бы на карабли легце». Камень принёс Антония из «тёплого моря» в реку Неву, из Невы в «Нево езеро» (Ладожское), а затем понёс его вверх по реке Волхову «против быстрин неизреченных» и остановился на правом берегу вблизи Новгорода как только «начаша во граде звонити к заутреннему пению».

Житие описывает недоумение Антония, попавшего в неизвестную ему страну, вопросы собравшихся любопытных, на которые Антоний не мог отвечать, не зная русского языка, и т. д. Святой узнаёт о том, куда он попал, от купца, «иже умеяше римъским и греческим и русским языком».

Из дальнейших эпизодов жития наибольший интерес представляет ссора Антония с рыбаками, которых Антоний нанял вытащить тоню. Суд с этими рыбаками «градъцких судий», аргументация рыбаков, требовавших отдать им выловленную бочку с драгоценностями, так как «мы наяхомся (нанялись) у тебе рыбы ловити, а бочка наша есть», описаны с чертами реальности. Антонию удалось склонить на свою сторону судей, лишь рассказав им историю бочки («делвы»), приплывшей вслед за ним из

Италии. В бочке, выловленной рыбаками, были золотые, серебряные и хрустальные церковные сосуды, потиры и блюда, которые были брошены Антонием в Италии в море, чтобы они «не осквернились от богомерьзких еретик».

Таким образом, в житии Антония вновь встречается популярный в новгородской литературе мотив самочинного передвижения вверх по течению Волхова. Быстрое течение Волхова, чрезвычайно затруднявшее доступ в Новгород со стороны моря, не раз, очевидно, заставляло задумываться новгородцев над возможностью самочинного передвижения вверх по реке как о высшем «чуде».

Волхов — широкая и полноводная река, на которой расположился Новгород, — постоянно действует в литературных произведениях Новгорода: то Волхов перегораживает враждующие стороны, то движет на себе плот владыки, то выбрасывает бочку с церковными сосудами новгородскому святому, то несёт на себе идол Перуна, то Волхов и Ильмень вместе грозят затопить собою город, то разламывает плотину, которой маловер пскович пытался перегородить течение реки, и т. д.

Атмосфера большого портового города, одного из самых больших в Европе (превышавшего тогдашний Лондон), питала собою новгородские ереси, умственные движения и отразилась в обильном проникновении западной культуры, в пестроте и нестройности новгородской культурной жизни.

ГЛАВА X

ГРОЗНЫЙ В НОВГОРОДЕ

В годы царствования Ивана Грозного в Новгороде и его окрестностях продолжается обширное строительство. Повидимому, по распоряжению Грозного недалеко от его дворца была построена церковь Никиты на Московской улице Торговой стороны. В монастыре знаменитого сторонника Москвы Михаила Клопского по почину Грозного и отчасти на его пожертвования строится Троицкий собор (1562 г.). В Новгороде, в особенности в годы пребывания в нём Грозного, усиленно ведутся летописные записи, составляются жития святых.

В конце 60-х гг. XVI в. в Новгороде обнаруживается измена. Часть духовенства и богатых новгородцев примкнула к заговору князя Владимира Андреевича. 2 января 1570 г. Грозный с войском вступил в Новгород и произвёл над его жителями суровую расправу.

Новгородская летопись сохранила сухую, но точную в передаче исторических событий повесть «О приходе царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца, како казнил Великий Новгород, еже оприщнина и разгром именуется». Повесть написана очевидцем событий 1570 г.

Когда до слуха Грозного дошли вести об изменнических замыслах новгородского архиепископа Пимена и его владычных бояр, рассказывает повесть, Грозный предпринял поход на Новгород и на его «изящных именитых людей». Повесть с медлительной последовательностью описывает, как царь послал вперёд себя «изгоном» передний полк, обложивший город крепкими заставами, передаёт начало расправы — правёж [1] и конфискации. Следует описание торжественного въезда в Новгород с сыном Иваном, бесчисленными полками, множеством князей, бояр и детей боярских, встречи царя с архиепископом, которого Грозный в лицо называет волком, хищником, губителем, изменником и «нашему царьскому багру и венцу досадителем». Действие начинает развёртываться всё быстрее с того момента, когда в «столовой палате» Пимена, среди обеда, Грозный «нечто помедли» и вдруг «возопил» страшным голосом «царский ясак». По этому воплю Грозного начался страшный погром, который, изо дня в день разрастаясь, перекидывается с архиепископского двора на Софийскую сторону, затем на Торговую и, наконец, на всю Новгородскую область.

Подробно, с протокольной точностью, описывает повесть пытки, казни, изображает, как «государевы люди» топили в Волхове мужчин, женщин и детей, громили их дома, посекали скот. Развязка наступает неожиданно, и повесть заключается эффектной концовкой. Грозный приказывает собрать «по лутчшему человеку» с каждой улицы и, когда они стали перед ним «с трепетом, дряхли и уныли, отчаявшеся живота (жизни) своего, быша яко мертви», Грозный милостиво посмотрел на них и, велев молиться за себя, сыновей и всё воинство, отпустил с миром по домам. На этом прекратился и разгром Новгорода.

Громя новгородскую измену, Грозный увёз из Новгорода только что отлитый при митрополите Пимене огромный пятисотпудовый колокол. Вывезен этот колокол Грозным

---

[1] В древнерусском праве правёж — принудительное взыскание с обвинённого ответчика. Если должник не хотел или не мог заплатить долга, его ставили на правёж, который состоял в том, что в течение известного времени его ежедневно публично по нескольку часов били батогами по ногам.

был неслучайно: с ним, повидимому, связывались в Новгороде вожделения о восстановлении старых вечевых порядков, так как в надписи на нём отмечалось, что он отлит «молитвами» только новгородских святых, выбор которых характерен: архиепископов Иоанна, Евфимия II и Ионы. Но Грозный не остался в долгу у Новгорода и через два года прислал в Новгород новый колокол, специально отлитый для него в Александровской слободе [1].

ГЛАВА XI

БОРЬБА НОВГОРОДЦЕВ С ПОЛЬСКО-ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИЕЙ

В начале XVII в. шведские и польские войска подвергли страшному опустошению новгородскую землю. Неприятельские отряды поджигали погосты, насильно сгоняли крестьян на работы, развёрстывали большие постойные деньги, отбирали продовольствие. Крестьяне обязаны были поставлять шведам и полякам муку, овёс, солод, хмель, вино, масло, рыбу, соль, кур, сено, дрова, свечи и кроме того работать на них. Ослушавшихся постигала жестокая кара.

Грабежи и жестокости иноземных захватчиков вызвали огромный размах партизанской войны. Крестьяне нападали на отряды интервентов и истребляли их. Боясь партизан, французские наёмники шведского полководца Якова Делагарди отказывались выступать в походы. Мелкие отряды шведов чувствовали себя в деревнях как в осаде. Шведы жгли сёла, но партизанская борьба против них не прекращалась.

Сильные рати поляков и шведов угрожали самому Новгороду. Измена части боярства помогла шведам при штурме города. Хотя городовые казаки и мелкий люд оказали полякам ожесточённое сопротивление, шведы всё же ворвались в город и стали его грабить, насилуя, убивая и сжигая дворы посадских.

Ожесточённое сопротивление встречали шведы и в других новгородских городах. Когда шведы напали на Колу, они встретили такой отпор, что принуждены были отступить. Исключительная храбрость и самоотверженность русских крестьян и посадских людей удивляли видавших виды иноземных наёмников. Когда после жестокой осады пал новгородский город Корела (ныне Кякисальми), то из трёх

[1] А. Строков и В. Богусевич, Новгород Великий, Л. 1939, стр. 203.

тысяч жителей в нём осталось в живых всего 100. В Орешке (ныне Петрокрепость) после штурма живыми оказались из гарнизона всего двое.

За годы хозяйничанья всеевропейского сброда наёмников Новгородская область была страшно опустошена. Население Новгорода частью вымерло, частью разбежалось, соединившись с отрядами партизан. В начале XVII в. в самом городе было много пустырей: пустовали целые улицы. «А в твоей государевой отчине,— писали новгородцы в челобитной царю, — в Великом Новгороде Софийская сторона вся пуста и разорена до основания, а на Торговой, государь, стороне также многие улицы и ряды пусты; в которых, государь, улицах и есть жилишка, и тех немного: в улице человек по осьми и по десяти, да и те бедны и должны.»

Земля стояла непаханной и зарастала сорняками. Запустели мирные сёла, погосты, починки. В лесах бродили одичавшие лошади. Но разбежавшиеся жители соединялись в отряды и били вражеских солдат всюду, где бы они ни появлялись. Жители городов сносились друг с другом посланиями, объединялись в ополчения. В Тихвине шведский гарнизон был почти уничтожен. Шведам не удалось замирить и Псков. Именно эта война, до крайности истощившая шведское войско, заставила их поторопиться с заключением Столбовского мира, по которому многое из фактически завоёванного шведами возвращалось русским.

Несмотря на страшное разорение и опустошение Новгорода, культурная жизнь не замирает в нём. Ко второй половине и к концу XVII в. в Новгороде относится ряд построек, из которых наиболее интересны гражданские. В Детинце был построен в конце XVII в. так называемый Лихудовский корпус. В нём помещалась славяно-греко-латинская школа братьев Лихудов. Восточный фасад этого корпуса украшен сложными оконными наличниками. У Софийской звонницы находилась другая гражданская постройка XVII в., примечательная своими богатыми наличниками окон [1]. В южной части Детинца сохранились стены Никитинского корпуса второй половины XVII в.

В течение всего XVII в. не прекращается в Новгороде и литературная деятельность. Характерною чертою новгородской литературы XVII в. является попрежнему отчётли-

---

[1] Домик у звонницы почти совершенно разрушен немцами.

вое отражение в ней социальной борьбы молодших и больших людей городского населения. Новгородские летописи, ведшиеся местными летописцами, твёрдо стоят на стороне мелкого люда против «властительские неправды и грабления и обиды».

Под 1611 г. в новгородских летописях имеется несколько рассказов о взятии Новгорода шведскими войсками Якова Понтуса Делагарди. Один из них резко выделяется своими демократическими тенденциями. Он прямо говорит о пьянстве, нерадении, грабежах и измене новгородских начальников. Резко осуждает автор рассказа новгородского воеводу Василия Бутурлина, который, воспользовавшись тем, что шведы заняли Софийскую сторону, ограбил со своими ратными людьми лавки и дворы с товарами на Торговой стороне. Измена воевод противопоставлена в повести стойкости стрелецкого головы Василия Гаютина, дьяка Афиногена Голянищева, некоего Василия Орлова и казацкого атамана Тимофея Шарова с сорока казаками. «Многою статьею их немцы прельщаху, чтоб они здалися, они же не здашася, все помроша за православную веру». Софийский протопоп Аммос, чем-то провинившийся и бывший в запрещении у новгородского митрополита, заперся у себя во дворе с несколькими своими советниками, бился врукопашную со шведами долгое время и многих перебил, не пустив шведов к себе в дом. Митрополит, молившийся в это время на городской стене о победе новгородцев, видя «крепкое стоятельство» провинившегося протопопа, заочно простил его. В конце концов шведы подожгли двор протопопа, перечившего митрополиту и не сдавшегося шведам. В огне погибли все защитники — ни один не сдался живым, несмотря на многократные уговоры шведов.

В псковской переработке дошло до нас новгородское сказание «О бедах и скорбех и напастех, иже бысть в Велицей России...». Основная тема этой повести — выяснение причин иноземной интервенции начала XVII в.: «како и откуду начашася сия злая быти». Тема эта составляет главное содержание многих русских повестей этого периода, однако, в перечислении внутренних причин, приведших к гибельным для русской земли последствиям, автор резко отступает от взглядов других писателей. По существу, виновной он считает лишь одну часть русского общества — «бессловных зверей» — бояр, «сильных градодержателей», «нарочитых людей».

Автор сказания обвиняет бояр в чрезмерной склонности

ко всему иноземному, в изменах, в постоянных попытках возвести на престол иноземцев, в разделении русских земель, в утеснении страны налогами, в присвоении государевых владений, в отравлении лучших государственных людей и т. д. и т. п.

Некоторые «от болярска роду» изображаются всюду как «изменники и нарушители християнству, любящие поганские обычаи и законы». Поляки умышляют на русскую землю вместе «с русскими изменники с боляры». Бояре наговаривают Шуйскому на его брата Михаила, портят царицу Анастасию при Михаиле Романове. Самого царя Михаила Фёдоровича сказание защищает: он добр, тих, кроток, смирен, благоуветлив, во всём подобен прежнему царю и дяде своему Фёдору Ивановичу. Во всех неустроениях русской земли при Михаиле Фёдоровиче виноваты одни лишь «злые чаровники» и «звероообразные человеки» — бояре.

Измене боярства автор-новгородец противопоставляет стойкость и мужество всего русского народа.

Несмотря на то, что сказание это составлялось, по выражению С. М. Соловьёва, «по стоустой молве народной», оно довольно искусно по форме и по языку, близко примыкая по стилю к московской литературе того же времени

В новгородской литературе XVII в. мы не найдём уже тех сепаратистских устремлений, которые имелись в ней в предшествующие столетия. В ней нет ни особой «областной» исторической концепции, ни полного единства местных литературных стилей. Всё более ощутима в ней широкая патриотическая тенденция. Чувство единства русского народа никогда ещё не сказывалось в новгородской литературе с такой силой, как именно в это время.

Так постепенно культура Новгорода теряет местные черты и вливается в культуру общерусскую. Постепенное иссякновение местных особенностей не было результатом обеднения местных культурных сил. Наоборот, оно явилось как следствие наплыва различных культурных влияний, в первую очередь московских, растворивших характерные черты местных новгородских школ в искусстве и в литературе; оно явилось как следствие демократизации литературы, как результат общего подъёма патриотического настроения. Теряя местные черты, новгородская культура приобретает черты общенациональные.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОРИЯ

Б. Д. Греков. Новгородский дом св. Софии, ч. I, 1914.

Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII веке. Учёные записки Института Истории РАНИОН, т. VI, М. 1929.

Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада, Собр. соч., Исторические монографии и исследования, тт. VII и VIII, 1863.

А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода, СПб. 1893.

А. И. Никитский. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде, СПб. 1879.

А. И. Никитский. Воённый быт Великого Новгорода. Журнал Министерства народного просвещения № 10, 1869.

Новгородские исторические сборники. Под общей редакцией академика Б. Д. Грекова. Вышли №№ 1—8, Л. 1936—1940.

С. М. Соловьёв. Об отношениях Новгорода к великим князьям. 1852 г.

А. Строков и *В. Богусевич.* Новгород Великий, Л. 1939.

Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. Издание Археографической комиссии, СПб. 1888.

Новгородские летописи (так называемая Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). Издание Археографической комиссии, СПб. 1879.

Новгородская четвёртая летопись. 2-е издание, Полное собрание Русских летописей, т. IV, ч. I, вып. 1 и 2, Птгр. 1915—1925.

Новгородская пятая летопись. Полное собрание Русских летописей, т. IV, ч. II, вып. 1, 2-е изд. (не закончено), Птгр. 1917.

Софийская первая летопись. Полное собрание Русских летописей, т. V, СПб. 1851. (Вышло незаконченное 2-е издание в Полном собрании Русских летописей, т. V, вып. 1, Л. 1925.)

Софийская вторая летопись. Полное собрание Русских летописей, т. VI, СПб. 1853.

Летопись Авраамки. Полное собрание Русских летописей, т. XVI, СПб. 1889.

Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Подготовил к печати Г. Е. Кочин, Л. 1935. (Сборник документов.)

II. ИСКУССТВО

А. И. Анисимов. Реставрация церкви Фёдора Стратилата в Новгороде, журнал «Старые годы», 1911 г., февраль.

А. И. Анисимов. Новооткрытые фрески Новгорода, журнал «Старые годы», 1913 г., декабрь. (Фрески церкви Спаса Преображения.)

И. Э. Грабарь. Феофан Грек, «Казанский музейный вестник» № 1, 1922.
Ю. Н. Дмитриев. Из истории новгородской архитектуры XII—XV вв. «Новгородский исторический сборник», вып. 2, 1937.
В. Н. Лазарев. Новгородская живопись XI—XV вв. «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии, т. I, № 2, 1944.
Арх. *Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде, 1860.
Л. Мацулевич. Церковь Успения в Волотове. Памятники древнерусского искусства, изд. Академии художеств, вып. IV, СПб. 1912.
К. Муратов и *А. Анисимов.* Новгородская икона Фёдора Стратилата, М. 1917.
В. Мясоедов. Фрагменты фресковой росписи св. Софии Новгородской. Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества, т. X, 1915.
А. И. Некрасов. Великий Новгород. М. 1924.
Н. Окунев. Вновь открытая роспись церкви Фёдора Стратилата. «Известия Археологической комиссии» № 39, СПб. 1911.
Н. Порфиридов. Новые открытия в области древней живописи в Новгороде (1918—1928 гг.). Сборник Новгородского Общества любителей древностей, X, 1928.
В. В. Суслов. Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры, СПб. 1888.
Н. Сычёв. Забытые фрагменты фресок XII века в Новгороде. Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества, т. XII, 1918. (Фрески Николо-Дворищенского собора.)
Фрески Спас-Нередицы. Издание Гос. Русского музея, М. 1925.

III. ЛИТЕРАТУРА

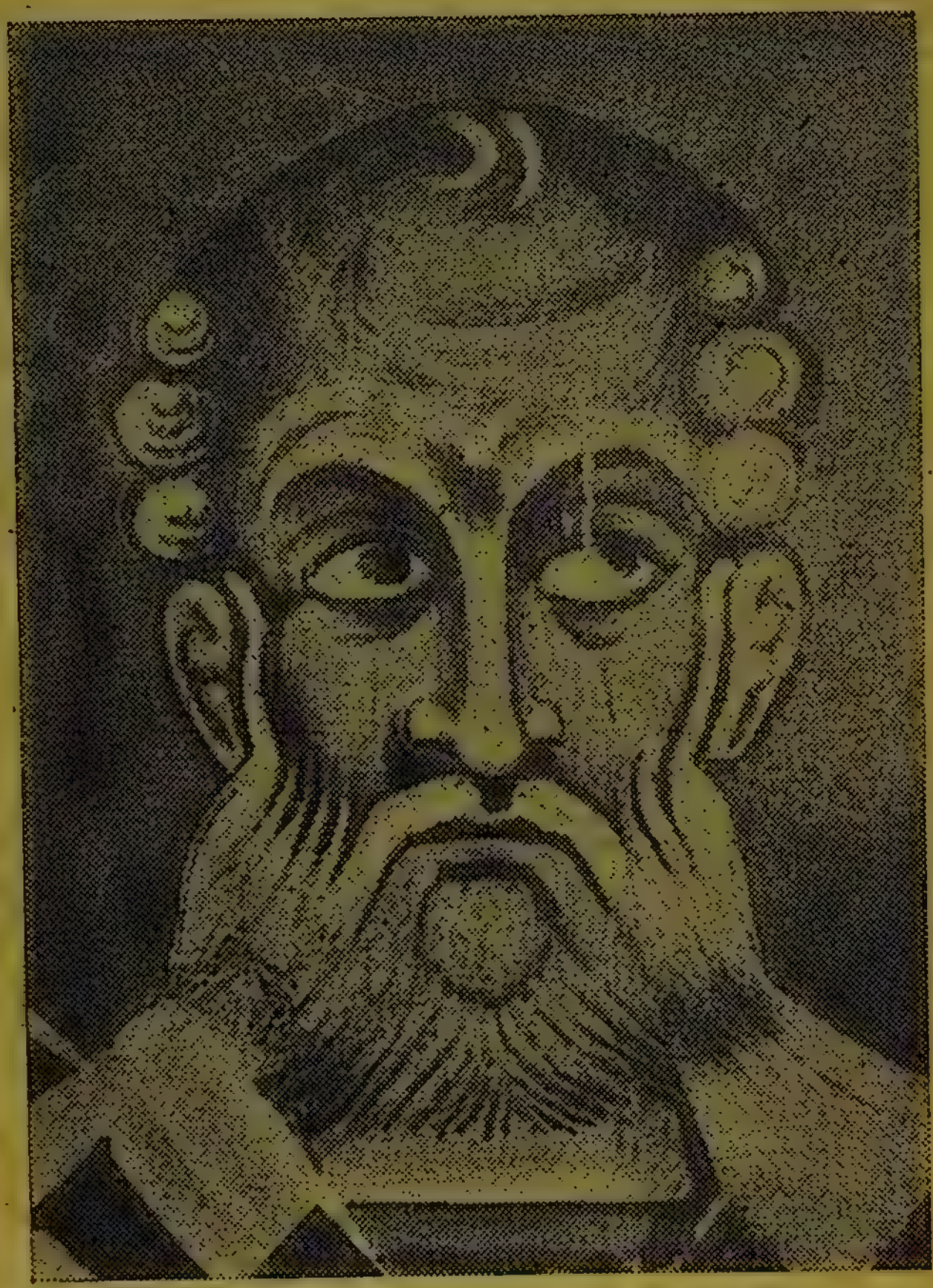
Ф. И. Буслаев. Новгород и Москва, Исторические очерки русской народной словесности и искусства, II, СПб. 1861.
Ф. И. Буслаев. Местные сказания владимирские, московские и новгородские. Летописи русской литературы и древности, т. IV, М. 1862.
А. В. Марков. Поэзия Великого Новгорода и её остатки. «Пошана». Сборник Харьковского историко-филологического общества, т. XIII, изд. в честь проф. Н. Ф. Сумцова, Харьков 1909.
М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV века, Л. 1934.

Ярославово Дворище

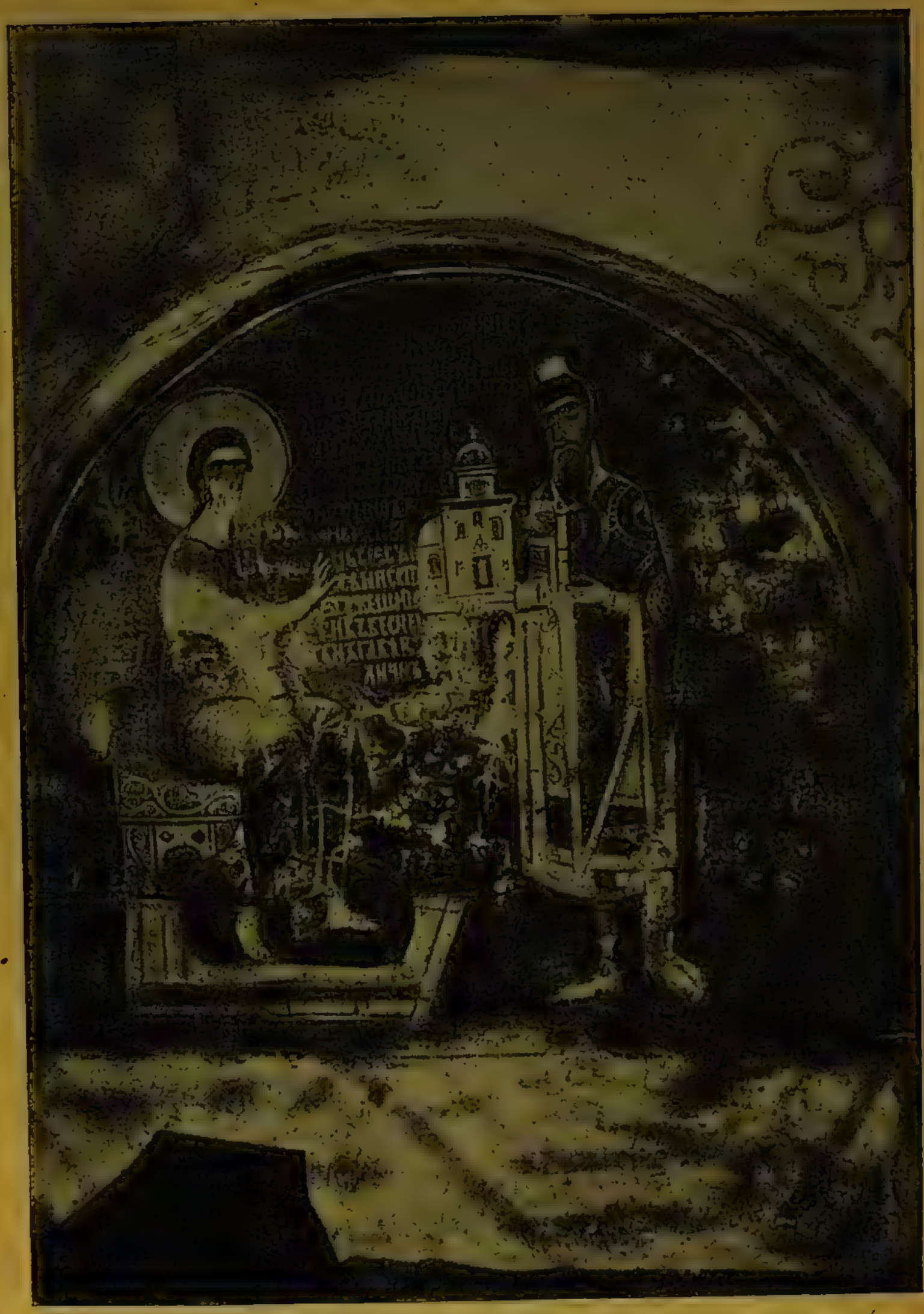
Слева паправо: Церковь Жён-мироносиц XII—XVI вв.; церковь Прокопия 1359—1529 гг.;
Вечевая башня 1472 г.; Николо-Дворищенская церковь 1113 г.

Церковь Николы Липного (1292 г.)

Церковь Спаса Преображения на Ильине (1374 г.)



Григорий Богослов
Деталь фрески 1199 г. в Нередице



Изображение князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского

Фреска середины XIII в. в Нередице

Деталь композиции Рождества Христова (1363 г.)
в церкви Успения в Волотове

Ангел в притворе Волотовской церкви

Фреска 1363 г.

Жена Иова

Фреска начала XII в. в подклетях Николо-Дворищенской церкви

Архангел Гавриил

Деталь фрески 60-х гг. XIV в. в церкви Фёдора Стратилата

София Новгородская (1150 г.)

София Новгородская, разрушенная немцами

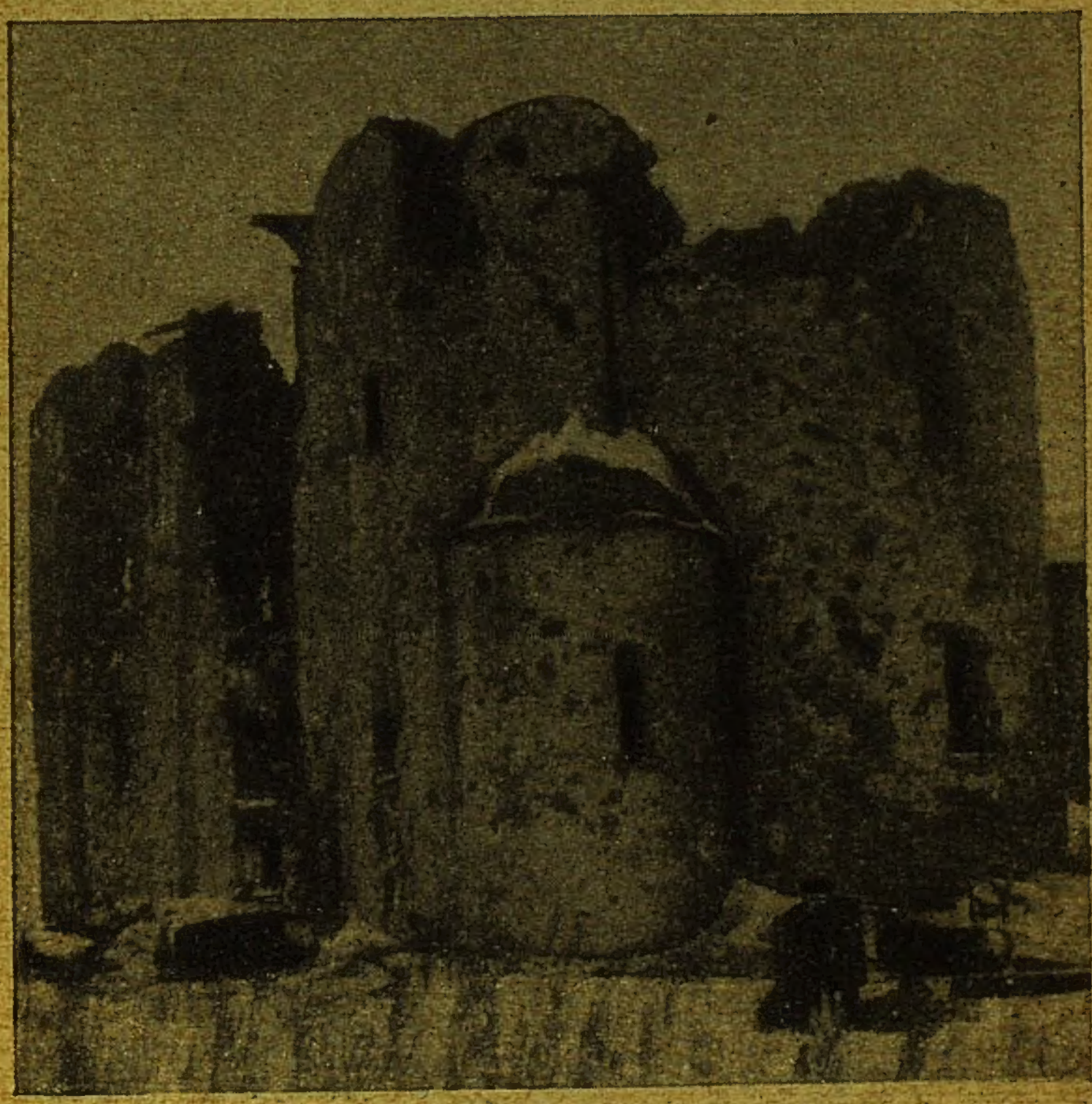
Фото *С. Н. Давыдова*

Георгиевский собор Юрьева монастыря (1119 г.)

Георгиевский собор, разрушенный немцами

Фото С. Н. Давыдова

Церковь Спаса Нередицы (1198 г.)



Церковь Спаса Нередицы, разрушенная немцами

Фото *С. Н. Давыдова*

Отв. редактор *Н. Гессен* Техн. редактор *А. Хрош*

Подписано к печати 19/I-1945 г. Объём 7 1/2 печ. л., 6,67 уч.-авт. л.
37.440 тип. знаков в 1 печ. л. Тираж 10.000 экз. М 00165. Заказ № 154

2-я типография „Печатный Двор" им. А. М. Горького, треста „Полиграфкнига"
Огиза при СНК РСФСР, Ленинград, Гатчинская, 26.

4 руб.